

Ewa wzywa 07...

Jerzy Edigey

**SIEDEM PAPIEROSÓW
„MARACHO”**

ISIRY

Ежи Эдигей

СЕМЬ СИГАРЕТ «МАРАЧО»

Перевод с польского: Timur Barat

ПОЕЗД «ВАРШАВА — ЩЕЦИН»

Они первыми вошли в купе первого класса. Она — интересная блондинка. Натуральная или крашенная? Возраст — чуть старше сорока, но она делала всё, чтобы выглядеть моложе, и хотела, чтобы все считали её молодой. Этому должны были способствовать довольно рискованный макияж и одежда в молодёжном стиле пани Гофф¹. Золотые кольца, золотой же браслет «панцерка»² и не менее роскошные золотые часики должны были недвусмысленно показать, что обладательница таких украшений — женщина далеко не бедная. Он — мужчина хорошо за пятьдесят, с лицом, изрытым морщинами, — тащил два вместительных, тяжёлых чемодана. Достав билеты, сравнил номера мест с номерами над сиденьями.

— Хорошо, что наши места возле окна, — отметил он.

— Если бы ты постарался получше, у нас был бы спальный вагон.

— Понимаешь, золотко, уже как три месяца все спальные места от Щецина до Мендзыздроев на весь июль распроданы. Мне чудом удалось раздобыть плацкарты в вагон первого класса.

— Но Кобылинским удалось достать в спальный.

— Удалось, потому что они покупали намного раньше. Тогда, когда ты ещё не знала, куда ты захочешь поехать, в Болгарию или на польское взморье. — Муж с заметным усилием поместил тяжёлые чемоданы на полку. — Где ты хочешь сидеть?

— Ты же хорошо знаешь, что я не переносу езды спиной по направлению движения, — блондинка вынула из дорожной сумки несколько иллюстрированных журналов, среди которых был и модный «Бурда». — По крайней мере смогу любоваться видами из окна.

— Эти кресла очень удобные. Их можно раскладывать так, что будешь ехать практически лёжа. Это неплохо: можно будет слегка покемарить. А вагон исключительно новый и только что прибранный. Даже контейнер для мусора и пепельницы чистые.

— Это ты будешь спать. Знаешь ведь, что я в поездах глаз не смыкаю.

Двери купе открылись; в них стоял молодой мужчина: высокий шатен с приветливым лицом, с небольшим чёрным саквояжем и плащом, перекинутым через руку.

— Добрый день! — поздоровался он. — У меня место шестьдесят три, это здесь. — И сразу поставил саквояж на место рядом с блондинкой.

Женщина явно оживилась при виде такого интересного попутчика. Сейчас же открыла сумочку, достала пудреницу и посмотрелась в зеркальце. Провела пуховкой по носику и, удовлетворённая своим видом, одарила прибывшего поощряющей улыбкой.

— Вы тоже до Щецина? — спросил молодой человек.

— Нет. До Мендзыздроев, но муж не достал ни билетов на спальный поезд, ни плацкارت до Мендзыздроев. Теперь у нас пересадка в Щецине-Домбе.

— Лучше доехать до Щецина, — посоветовал прибывший, — там позавтракать, а оттуда — катером на подводных крыльях до Свиноуйсьце. Будет очень приятное путешествие. Это менее двух часов. А в Свиноуйсьце всегда можно поймать такси, или сесть на автобус, до Мендзыздроев. Я всегда так езжу.

— Так вы тоже едете в Мендзыздрой? — спросил муж красивой блондинки.

— К сожалению, нет. У меня отпуск только в сентябре. Может, поеду в Турцию или на Родос. А сейчас я по работе в Щецин.

— Видишь, — недовольно зашептала блондинка, — я уговаривала тебя поехать хотя бы в Болгарию, но ты у нас патриот и тебе только на польское взморье. И теперь я должна целую ночь корячиться сидя не сомкнув глаз.

— Но Зосенька, — оправдывался муж, — ведь ты сама не хотела ехать ни на «Золотые пески», ни в Эфорию, потому что и так туда ездим каждый год уже почти десять лет.

— Это здорово, что пани не может спать в поезде. Я тоже. Но теперь у моей бессонницы будет очаровательная подруга, — объявил прибывший.

— Вы очень милый, — улыбка снова посетила личико Зосеньки.

Столь приятно начавшаяся беседа была прервана открытием дверей. На этот раз в купе вошла пожилая женщина. Внимательно проверила номер своего места. Оказалось, что это место у входа. Вновь прибывшая попыталась разместить свой багаж на полке, но молодой человек галантно вскочил и помог пассажирке.

— Большое спасибо. Это поезд до Щецина? — решила убедиться вновь прибывшая.

— Да. До Свиноуйсьце и до Щецина. Наш вагон едет до Щецина.

— Это купе для курящих?

— Точно так, — ответил муж пани Зосеньки.

Молодой человек непроизвольно полез в карман.

— Чёрт! — вырвалось у него. — Сигареты забыл.

— Прошу вас, — пани Зося достала из сумочки пачку «Кармен».

— Спасибо, но я курю только «Марачо». От всех остальных сигарет у меня так дерёт в горле, что я постоянно кашляю.

— Интересно, — заметила пожилая пани. — На меня точно так же действуют «Экстра крепкие». Но сейчас у меня «Каро». Они мне подходят.

— Может, ещё успею купить в буфете? — молодой человек посмотрел на часы.

— Не рискуйте. До отправления поезда осталось меньше пяти минут, — ответила женщина.

Двери снова открылись. Теперь в купе вошли двое мужчин. Первый — пожилой, седоватый. Второй — высокий с очень светлыми волосами. Блондин занял место рядом с мужем пани Зоси. Седоватый разместился у входа, напротив пожилой женщины.

— Вот это я учудил! — сокрушался забывчивый курильщик. — Отправиться в дорогу без сигарет!

Двое мужчин сейчас же предложили свою помощь, но молодой человек им также объяснил, что курит исключительно «Марачо».

— В соседнем вагоне есть буфет «Варса»³, — сообщил блондин. — Его откроют, как только поезд поедет. Не переживайте. Наверняка они будут разносить кофе, чай, другие напитки и какую-то еду. Как правило, у них бывают и сигареты.

— Но будет ли у них «Марачо»?

— Я никогда не курила таких сигарет, — отозвалась пани Зося.

— Это новая марка. Появилась в продаже совсем недавно, — пояснил молодой человек. — Их делают по лицензии греческих «Папастратос». Их трудно достать, потому что на них большой спрос.

— Как и на любую новинку, — вступил в разговор седоватый мужчина. — Я курил «Марачо», но как-то большого восторга они у меня не вызвали. Сигареты как сигареты, ничего особенного. Мне больше нравится «Мальборо».

— De gustibus...⁴ — подытожила пожилая пассажирка.

Поезд тронулся практически незаметно. Медленно проследовал туннель и выемку и, проезжая виадук на улице Товаровой, начал разгоняться. На Западном вокзале даже не притормозил. Пассажиры смотрели, как за окном сменялись виды Варшавы. Лишь пани Зося демонстративно открыла «Бурду» и стала рассматривать модели платьев, которые там рекламировали.

— Схожу за сигаретами, — объявил молодой человек, поднимаясь со своего места. Но тут же уселся обратно, потому что двери открылись, и в них появилась проводница в изящном тёмно-синем костюме и немного смешной пилотке.

— Проверка билетов.

— В поезде есть буфет? — приверженца сигарет «Марачо», похоже, не убедили слова попутчика.

— Есть. Через два вагона, — ответила проводница, — но второй класс переполнен. Люди стоят в коридоре.

— Вы идёте в ту сторону?

— Да.

— Не будете ли вы так любезны попросить кого-нибудь, кто будет разносить кофе, чтобы мне принесли пачку сигарет «Марачо»?

— «Марачо»? — повторила проводница. — Никогда о таких сигаретах не слышала.

— Если мне повезёт их купить, я вас угощу.

— Спасибо. Я не курю, но скажу, чтобы вам их принесли.

— Когда прибываем в Щецин? — спросила пожилая пани.

— По расписанию в шесть тридцать пять, — сообщила проводница.

— А на самом деле? — решил выяснить седоватый.

— Как бог даст. Думаю, что прибудем около семи, — ответила проводница и, проверив билеты, мягко закрыла за собой дверь. В купе воцарилась тишина. Пани Зося продолжала изучать «Бурду». Её муж без особого интереса смотрел в окно. Приверженец «Марачо» последовал его примеру. Седоватый погрузился в чтение варшавских вечерних газет. Блондин вынул из сумки завёрнутую в салфетку булку с ветчиной, а пожилая пассажирка читала какую-то английскую книгу.

— Кофе, чай! — Кельнер в белом кителе умело балансировал подносом со стаканами.

Купе немедленно оживилось. Пани Зося отложила «Бурду», а пожилая перестала читать книгу.

— Мне кофе, — попросила блондинка.

— Не пей кофе, дорогая, на ночь глядя, — обратился к ней муж.

— Я ведь и так не буду спать.

— Мне тоже кофе, — определился седоватый мужчина.

— А мне чай. У вас есть сигареты «Марачо»?

— Я не продаю сигарет, — пояснил кельнер. — Их принесёт девушка, которая разносит пиво. Она будет здесь через пару минут.

— Мне тоже чай, — сообщила пожилая пани.

Кельнер каждому подал заказанный напиток, собрал оплату и пошёл дальше.

— А ты, Рысек ⁵, ничего не пьёшь? — пани Зося обратила внимание на мужа.

— Возьму пива, как его принесут, — интересная блондинка недовольно скривилась: — Тебе бы, конечно, хотелось водки.

— Да, пропустил бы соточку. Или две рюмочки коньяку.

— Вы часто ездите в Щецин? — спросила у своего соседа пани Зося, желая сменить тему.

— Один, иногда два раза в месяц. Мы работаем с одной щецинской фирмой.

— В самом Щецине я никогда не была. Только проезжала мимо по пути до Свиноуйсьце или Мендзыздроев.

— Вам надо обязательно воспользоваться случаем и посетить этот город. Он стал значительно лучше после восстановления, и люди там приятные. От души рекомендую. Охотно могу провести вам экскурсию. Я знаю Щецин, как собственный карман.

Пани Зося ничего не имела против того, чтобы воспользоваться таким любезным приглашением, однако муж не замедлил вмешаться:

— Может быть, на обратном пути мы задержимся в этом городе. Но сначала нам надо отдохнуть и набраться сил после того, как мы целый год вкалывали.

— Только бы погода не подвела, — выразила беспокойство пожилая пани.

КОГДА НАСТАЛА НОЧЬ

— Что-то разносчица пива и сигарет не появляется, — молодой человек заметно нервничал.

Седоватый пассажир снова попытался предложить ему свои «Мальборо», но опять получил отказ.

— Подожду ещё немного, а если нет, то попробую всё-таки добраться до буфета «Варса». Если уж кельнер с подносом стаканов прошёл, то и у меня это должно получиться.

— Я тоже схожу, — заявил высокий блондин. — У меня осталось две сигареты. Может, и пива удастся выпить.

Однако вылазка оказалась ненужной, потому что долгожданная разносчица как раз появилась в купе.

— Пиво, лимонад, печенье, бутерброды с сыром, сигареты, — огласила она содержимое своего лотка.

— Мне пиво, — попросил пан Рышард.

— Мне тоже.

— У вас есть «Марачо»? — спросил молодой человек.

— Да, пожалуйста.

— А мне «Каро».

— «Каро» нет. Есть «Кармен».

— Пусть будет «Кармен».

— Вот вы и дождались своих «Марачо», — рассмеялась пани Зося, когда двери купе закрылись за продавщицей. — Только зря волновались.

— Но если я действительно могу курить только эти сигареты, — оправдывался молодой человек.

— А до того, как они появились в продаже? — спросил седоватый.

— Тогда я курил «Спорт» и постоянно кашлял.

Оба рядом сидящих мужчины смачно отхлёбывали пиво прямо из бутылок, потому что у продавщицы не было ни бокалов, ни одноразовых стаканчиков. Остальные путешественники допивали свой чай или кофе. Вскоре появился кельнер и забрал пустую посуду.

Сосед пани Зоси распечатал пачку и стал угощать пассажиров.

— Пожалуйста, пробуйте. Сигареты действительно хороши. И наименее вредные из тех, которые есть в продаже.

— Никакие сигареты не могут быть «наименее вредные», — отозвалась пожилая пани, однако не отказалась и взяла из предложенной пачки одну сигарету «Марачо». — Они все вызывают рак.

— Тем не менее мы пока ещё не умерли, и рака у нас вроде бы нет, — засмеялся седоватый. — Я курю уже больше сорока лет. Бывало, выкуривал и по две пачки в день, а многим молодым до сих пор фору дам.

Пан Рышард вынул из кармана стильную газовую зажигалку и сначала прикурил жене, затем пожилой женщине, сидевшей у входа, и далее — мужчинам по очереди. Свою «Марачо» он прикурил последним.

— Очень хорошие сигареты, — отметила пани Зося. — У них какой-то будто бы странный, но приятный вкус. Рысек, запомни: с завтрашнего дня будешь мне покупать только такие.

— Хорошо, золотко.

— Я уже когда-то курил такие сигареты, — сообщил седоватый мужчина. — Но тогда у них был, как мне кажется, несколько иной вкус. Подтверждаю, что теперь он стал лучше.

Пожилая женщина тоже похвалила «Марачо». Далее разговор зашёл о том, что больше всего волновало всех — какая будет погода на море. Оптимисты, к числу которых принадлежали пан Рышард и пожилая женщина, полагали, что, поскольку до сих пор почти постоянно шли дожди, то теперь уже вся влага наконец выпала. Остальные путешественники сомневались, что хорошая погода установится надолго. Лишь обладатель сигарет «Марачо» считал, что погода для него не имеет большого значения. Ведь он едет не на море, а по работе в Щецин, и главной его заботой является успешное завершение важных дел.

Тем временем поезд проследовал Кутно. За окном совершенно стемнело.

— Раньше, — с некоторой меланхолией в голосе отметила пожилая пани, — когда ещё ездили паровозы, которые топили углём, в окно можно было увидеть золотые искры, а теперь же — глубокая чернота.

— Но зато без копоты на одежде, — рассмеялся пан Рышард.

Пани Зося не принимала участия в разговоре. Она раньше всех покончила со своей сигаретой и вернулась к изучению мод в «Бурде». Но и это её быстро утомило, потому что она отложила цветастый журнал, облокотила головку на подголовник и прикрыла глаза.

— Моя любимая жёнушка, — засмеялся пан Рышард, — так уверяла, что глаз не сомкнёт в поезде, а заснула самая первая.

— Признаюсь, — заметил приверженец «Марачо», — что и у меня глаза слипаются. По примеру соседки я тоже сосну. Было бы неплохо перед прибытием в Щецин отдохнуть хотя бы пару часов. Завтра у меня тяжёлый день.

Говоря это, молодой человек постарался устроиться как можно удобнее и закрыл своё лицо плащом.

— Что-то мы все какие-то сонные, — согласилась пожилая пани. — Я вот тоже склоняюсь к тому, что хорошо бы поспать немного. А вообще-то я в поездах засыпаю плохо. Может, погасим свет?

— Решено! — объявил седоватый мужчина, сидящий как раз возле входа. — Гасим свет и спим.

Он встал и повернул выключатель. Яркий свет погас, ему на замену зажглась синяя лампочка. Её свет не резал глаза, но наоборот, скорее усыплял путешественников.

— Закройте, пожалуйста, дверь на задвижку, — попросил пан Рышард, который, выдвинув своё кресло вперёд насколько возможно, старался придать своему телу положение, удобное для сна.

Через несколько минут в купе первого класса поезда «Варшава — Щецин» все уже спали. А экспресс мчался сквозь тёмную ночь. Миновал полустанки, задерживался на две-три минуты у более-менее значительных станций, чтобы снова отправиться в путь.

Путешественники спали так крепко, что даже в Познани их не смогли разбудить громкие объявления по вокзальной трансляции и топот ног в коридоре. Некоторые пассажиры здесь выходили, некоторые искали свободного места в купе. Когда поезд отошёл от станции, проводница начала проверять билеты у новоприбывших. Она попыталась открыть также двери и в этом купе. Но они были заперты, поэтому девушка воспользовалась своим универсальным ключом и отперла их... Новых пассажиров там не было. А все те, кто занял это купе ранее,

были погружены в сон. Никто даже не пошевелился. Тогда проводница тихонько закрыла двери и пошла дальше.

Тем временем поезд остановился на две минуты в Кшиже. Здесь полностью освободилось одно купе первого класса. Вышли шестеро мужчин с портфелями — видимо, какие-то слушатели краткосрочных курсов. До Щецина оставалось ещё три часа пути, естественно, при условии, что в этот раз поезд всё-таки прибудет по расписанию. Проводница вошла в освободившееся купе и проверила, не забыл ли кто-нибудь из пассажиров свои вещи. А также закрыла открытое настежь окно. Уже практически рассвело, и день обещал быть пригожим и солнечным. Кроме этой шестёрки, в Кшиже с поезда никто не сошёл. Также никто и не сел в поезд.

Идя по коридору, проводница по профессиональной привычке заглядывала в окна купе. Однако большинство их было плотно затянуто шторками — знак, что путешественники ещё спали. Но в одном из купе шторка была немного сдвинута. Шесть пассажиров полулежали в странно неестественных позах. Это обратило на себя внимание проводницы. Девушка ещё раз открыла двери и осторожно положила ладонь на плечо мужчины, который сидел ближе всех. Он не проснулся. Проводница потрясла мужчину за плечо. Пожилой пассажир безвольно навалился на сидящего рядом молодого блондина, который также не пошевелился.

На какой-то момент девушка остолбенела. Потом ей захотелось выбежать из купе с криком «На помощь!». Однако она овладела собой. Поднимать тревогу и будить пассажиров соседних купе не было никакого смысла. Следовало поступить иначе. Но как?

Девушка заперла купе на ключ. Лучше всего было бы найти врача. Но только как его найти? Так... Вот это будет лучше всего. Проводница помнила, что в соседнем вагоне, в одном из купе она видела молодого человека в униформе офицера милиции. Его и следует поставить в известность.

БЕЗРАДОСТНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

— Пан поручник! — девушка энергично потрясла спящего.

Тот сразу проснулся.

— Что случилось?

— В соседнем вагоне, в одном из купе находятся шесть пассажиров. Две женщины и четверо мужчин. Они без сознания. Я не знаю, что делать...

— Иду, — офицер подорвался со своего места. Захватил с собой милицейский планшет, которого, впрочем, и так не снял с форменного кителя перед сном. — Вы ещё кому-нибудь сообщили?

— Только вам, пан поручник, — ответила девушка, — скорее, конечно, тут нужен врач, но я не знаю, как его найти.

— Посмотрим, что там такое. Я, конечно, не врач, но нас учат оказывать первую помощь.

— В служебном купе у меня есть аптечка. Принести?

— Сначала посмотрим на этих спящих.⁶

Проводница открыла двери купе. Для молодого офицера милиции здесь также не было никаких сомнений, что пассажиры погружены в какой-то странный сон. Подпоручник⁷ подошёл к окну и открыл его полностью. Поток холодного воздуха сразу оказал благотворное действие на сидящую возле окна блондинку. Она с удивлением окинула взглядом милиционера и всё купе. Видимо, в первый момент она не поняла, где находится. Однако быстро сориентировалась.

— Рысек, — обратилась она к лежащему напротив мужчине. — Рысек, что с тобой? Проснись, — и начала его трясти.

Пан Рышард сначала пробормотал что-то нечленораздельное, но затем проснулся.

— У меня голова раскалывается, — сообщил он.

Офицер милиции, видя, что ситуация в купе не критическая, без церемоний начал будить остальных пассажиров. Блондин и сидящая у входа пожилая пани проснулись без особого труда. Зато молодой человек, занимавший место между двумя женщинами, и седоватый мужчина у входа спали очень крепко. Их не удавалось разбудить, трясая за плечо. Подпоручник должен был несколько раз легко похлопать их по щекам, и только тогда они проснулись. Они тоже пожаловались на головную боль.

— Сходите, пожалуйста, в купе «Варса», — попросил офицер проводницу, — и скажите, пусть сейчас же сюда принесут кофейник крепкого кофе.

— «Варс» в это время закрыт. Если и откроют, то только за час перед прибытием в Щецин. Утром нет торговли.

— Тогда разбудите их и попросите приготовить кофе. Только быстро.

— Иду.

Путешественники не спали, но и бодрыми их пока назвать было нельзя. Одни жаловались на головную боль, другие сообщали, что у них губы задеревенели. Всем хотелось пить.

К счастью, затребованное кофе появилось практически сразу. Его принёс сам начальник буфета. Кофе был действительно крепкий.

— Что здесь случилось?

— Да вот этим пассажирам стало плохо, — объяснил офицер милиции. — Они чем-то отравились.

— Но уж точно не нашей едой, — оскорбился начальник. — Кто заплатит за кофе?

— Об этом поговорим позже. А пока вам спасибо.

Путешественники крупными глотками пили горячую жидкость. Постепенно приходили в себя.

— Удивительно, — отметила пани Зося, — я никогда не сплю в поездах. А в этот раз провалилась в такой страшный тяжёлый сон. Пыталась, но не могла проснуться. Там в кофейнике не осталось немного кофе?

— Да, пожалуйста, — подпоручник налил ещё чашку.

— Где мы сейчас? — спросил седоватый мужчина.

— Проехали Кшиж, — сообщила стоявшая в дверях купе проводница. — Через три часа будем в Щецине.

— Я чувствую себя такой уставшей, — отозвалась пожилая пани, — как будто до этого Кшижа протопала пешком от Варшавы.

— Я тоже чувствую себя скверно, — заявил пан Рышард. — Голова, правда, болит уже меньше, но чувствую себя каким-то помятым.

— Это пройдёт, — успокаивал офицер милиции. — Сейчас кофе подействует. Но что здесь случилось?

— Не знаю, — отвечал молодой человек, сидящий между женщинами. — Меня как-то быстро склонило ко сну, и только пан поручник нас разбудил. Я никогда так крепко не сплю.

Первой заволновалась пани Зося. Захотела проверить, который час, и на руке не обнаружила часиков.

— Где мои золотые часики? И куда подевался браслет?

На минуту воцарилась тишина. Сосед интересной блондинки полез в карман. Вынул кошелёк и заглянул внутрь. Там было пусто. То есть не совсем пусто, потому что там находились какие-то бумаги и документы, однако денег в нём не было. Ни единой купюры.

— Меня обокрали! — воскликнул молодой человек. — У меня в кошельке было более восьми тысяч злотых. Вот гады! — прибавил он со злостью и досадой. — Даже пятисот злотых не оставили, чтобы было за что позавтракать и купить обратный билет.

При этих словах пан Рышард также полез в карман. И в его кошельке тоже не оказалось денег. Исчезло — как он выразился, «пропало без следа» — двадцать тысяч злотых. Неплохой капитал для того, чтобы сделать пребывание в Мендзыздрях ещё более приятным.

Тут уже все начали проверять содержимое карманов и сумочек. Кроме браслета и золотых часиков, у пани Зоси пропало из сумочки что-то около трёх тысяч злотых. У пожилой женщины — пять тысяч злотых. У седоватого пана украли двенадцать тысяч, светловолосый же молодой человек утверждал, что из его кошелька исчезло четыре тысячи.

Как и для офицера милиции, так и для шестерых пассажиров теперь стало ясно, что их усыпили, чтобы затем обобрать до нитки.

Если говорить откровенно, то молодой офицер милиции разволновался не меньше, чем обворованные пассажиры. Ведь не далее как полтора месяца назад он преклонял колено перед министром внутренних дел, который, возложив ему на плечо саблю, произнёс сакраментальные слова: «От имени Польской Народной Республики произвожу вас в подпоручники народной милиции».

Первое официальное назначение — железнодорожный комиссариат народной милиции в Щецине на Главном вокзале. Работа не так чтобы очень сложная и утомительная. Каждый день — потасовки привокзальной шпаны, задержание пьяных и доставка их в вытрезвитель; иногда — вызовы в суд свидетелем по

какому-то делу. Наблюдение за порядком в здании вокзала и на платформах. Эти обязанности выполняют младшие офицеры НМ. Подпоручник писал рапорты и отчёты, обрабатывал статистические данные. Если и случалось что-то серьёзное, дело вели сотрудники с более высокими званиями и с более богатым опытом.

Теперь же молодой офицер был один против шестерых обворованных и разволновавшихся пассажиров. Но ни чувство морального долга, ни обстоятельства происшедшего не позволяли ему устраниваться и закрыться «коллегой», который примет дело в Щецине. Ведь и так все предварительные этапы следствия по этому делу обязан будет провести железнодорожный комиссариат НМ. Тот самый, в котором подпоручник работает. И вот теперь он должен действовать в одиночку, без чьей-либо помощи или ценных советов людей, более умных, чем он.

С другой же стороны, подпоручник даже радовался тому, что он совершенно случайно оказался на месте преступления. Ведь это шанс проявить себя. Такого дела и такого стечения обстоятельств в другой раз можно и не дожидаться за всю оставшуюся жизнь.

ПОГОВОРИМ?

— Уважаемые пассажиры, — прервал офицер НМ молчание, воцарившееся в купе, — я вам очень сочувствую, но сейчас нам надо прежде всего вместе взяться за дело. Может быть, совместными усилиями нам удастся найти преступника и вернуть украденные деньги и драгоценности.

— Ну да, конечно, — выразил сомнение светлый блондин. — Мою сестру обокрали три года назад, и так же точно её успокаивали. Ничего не нашли. А её дом обнесли практически полностью.

— Меня зовут, — офицер сделал вид, что не услышал замечания блондина, — Мариан Балерский, я подпоручник железнодорожного комиссариата народной милиции в Щецине. Предварительное следствие и так вёл бы наш комиссариат. До Щецина у нас остаётся почти три часа. Поэтому сейчас давайте просто поговорим. Потом и так вы будете обязаны явиться в наш комиссариат для составления протокола.

— Почему бы и нет? — согласился блондин. — Поговорить можно, но думаю, что это ничего не даст.

— Оставьте нас в покое, — воспротивился пожилой мужчина. — У меня голова гудит, будто в ней отбойные молотки работают, а вы нас ещё собираетесь мучить. Что случилось, того не увидит.

— А ведь я говорила, Рысек, чтобы ты покупал билеты в спальный, — пани Зося подняла старую тему. — Тогда у меня не украли бы золото, а у тебя — денег. Такой браслет и такие часики ты должен мне снова купить. Потому что это ты виноват.

— Хорошо, Зосенька. Куплю. Но с нами пан поручник, который, должно быть, поймает этих злодеев.

— Я постараюсь, — Мариан Балерский был благодарен за неожиданную поддержку. — Прошу вас, сядьте рядом с женой. Придётся вам потесниться немного. А я займу ваше место.

После этой небольшой перегруппировки подпоручник вынул из кармана толстый блокнот и шариковую ручку.

— Разрешите записать ваши фамилии и составить список украденного. Вы?

— Рышард Колянко, предприниматель, владелец фабрики по производству пластмассовых изделий. Еду с женой в Мендзыздри. Сейчас я припоминаю, что у меня в кошельке было примерно двадцать пять тысяч злотых.

— Некисло, — отметил светлый блондин. — Неплохой отдых накрылся.

— А вы?

— Зофья Колянко. При муже, как говорится. В сумочке у меня было что-то около трёх тысяч злотых. Браслет и часики по теперешним ценам стоят не менее ста пятидесяти тысяч.

— Не надо было выставлять напоказ своё богатство, — заметила пожилая пани, — тогда бы вас не обокрали. Вы сами спровоцировали вора, ещё и мы за это расплачиваемся.

— Я вашего мнения не спрашивала.

Подпоручник записал эти данные. Очередной пассажир, молодой человек, сидевший рядом с пани Зосей, сообщил, что его зовут Ян Цеглевич, и что он снабженец, командированный в Щецин. У него в кошельке было восемь тысяч казённых денег и около тысячи собственных. Теперь осталась только горсть мелочи. Пожилая пани сообщила, что она на пенсии, и её зовут Ядвига

Марианская. Она едет отдыхать в Свиноуйсьце. Имела в сумочке пять тысяч злотых.

Блондин заявил только:

— Я — Зыгмунт Ходыш. У меня было четыре тысячи злотых.

— Ваша профессия?

— Можете написать «слесарь».

— Могу написать, или вы действительно слесарь?

— Да вы что? Первый раз вижу человека, который настолько далёк от футбола. Любой пацан вам расскажет, кто такой Зыгмунт Ходыш. Левый нападающий «Звезды».

— Знаменитость! — прокомментировал седоватый. — Даже не предполагал, что мы будем иметь такую честь.

— А вы?

— Председатель кооператива, Эдвард Стшельчик. В кошельке у меня было двенадцать тысяч злотых. И оставьте меня наконец в покое.

— На это прошу не рассчитывать. Милиция должна выполнять свои обязанности.

— Ну так ищите вора, а не терзайте невинных людей.

— Вне всякого сомнения, вас усыпили каким-то наркотиком. Скорее всего, его подмешали в питьё. Что вы пили?

— Я — кофе, — сообщила пани Зося.

— Я тоже, — проворчал Стшельчик.

— А я — чай, — прибавил Цеглевич, — как и пани Марианская.

— Мы пили пиво, — заявил Рышард Колянко, — я и пан Ходыш. Очень мерзкое, тёплое пиво.

— А где чашки и стаканы от этих напитков?

— Кельнер собрал. Сразу, как только мы выпили.

— Бутылок он не собирал, — уточнил футболист. — Пиво принесла разносчица.

— Ну и где эти бутылки?

— Стояли на столике, — объяснил пан Рышард, — но они мешали мне принять положение, более удобное для сна, поэтому я поставил их на пол.

— Их там нет, — сообщил подпоручник.

— Может, закатились под сиденье?

Офицер милиции проверил, однако бутылок в купе нигде не оказалось.

— Это не имеет значения, — Эдвард Стшельчик продолжал оппонировать представителю народной милиции. — Никто не мог отравить кофе и чай, которые разносил кельнер, наливая их из двух больших ёмкостей, а также пиво в закупоренных бутылках, принесённое совсем другим человеком.

— Вы правы, — согласился Балерский, — яд подмешали во что-то, что вы все употребляли.

— Мы ничего не ели и не пили, кроме того кофе, чая и пива, — заявила Ядвига Марианская.

— Извините, — вступила в разговор Зофья Колянко, — вы ели какой-то бутерброд. Я это хорошо помню.

— Однако ни вас, ни других пассажиров я не угощала.

— Мы все курили сигареты, — припомнил Зыгмунт Ходыш. — Сигареты «Марачо», которыми нас угощал пан Цеглевич.

— Я вас отравил и обокрал, — разволновался молодой человек. — Вы же сами видели, как я купил сигареты у разносчицы пива.

— Вы все курите?

— Я — очень мало, — сообщила Ядвига Марианская, — самое большее три, четыре сигареты в день.

— Я тоже не больше, — добавила пани Зося.

— Но здесь вы курили?

— Да. Эти «Марачо», это новая марка. Я их никогда не курила, поэтому когда этот пан мне их предложил, я взяла. Но выкурила не больше половины сигареты.

— А вы?

— Я тоже курила. Мы все курили эти «Марачо».

— Так вы, молодой человек, говорите, что купили эти сигареты у буфетчицы?

— Да. Я курю только такие, потому что они, похоже, наименее вредные. От других у меня кашель. Я забыл их купить на вокзале, но, к счастью, у разносчицы была пара блоков. Вот я и купил у неё. Хотя она продавала на пять, а может, и на десять злотых дороже, но я и так был рад, что мне повезло их достать. Даже в Варшаве не в каждом киоске они есть.

— Все киоски снабжаются одинаково, — рассмеялся председатель кооператива, — но продают из-под прилавка, чтобы иметь возможность повысить цену.

— Они берут пример с некоторых кооперативов, — заметил Рышард Колянко.

— Мне тоже приходится переплачивать за пластмассовые отходы.

— Наш кооператив не такой, — возразил председатель.

— Все вы одинаковы, — проворчал Колянко. — Не дашь на лапу — ничего не получишь.

— Извините! — запротестовал председатель.

— Прошу вас! — вмешался подпоручник. — Я понимаю, что вы сейчас очень взволнованы и в плохом настроении. Но это не повод между собой препираться, иначе мы ни к чему не придём. Так что там с этими сигаретами?

— Я же уже сказал, — ответил Цеглевич. — Я купил пачку у разносчицы. Распечатал её и всем предложил закурить.

— Сейчас у вас есть эта пачка?

Молодой человек полез в карман, один, второй, искал даже в плаще.

— Странно, — сообщил он, — сигареты исчезли.

— Вы не клали их в карман, — напомнил Зыгмунт Ходыш, — а положили на столик.

— Может, кто-то из вас по ошибке взял эту пачку?

— Стал бы я брать чужие сигареты, — возмутился Рышард Колянко, однако поискал у себя в карманах. Остальные последовали его примеру.

— Пани Колянкова, — сообщила Марианская, — рассматривала ту пачку. Может, она теперь у неё в сумочке?

— Ну и мысли у вас!

— Может, вы ещё отрицать будете, что брали ту пачку в руки?

— Да, я рассматривала её, — возмущённо отвечала Зофья, — потому что никогда не видела «Марачо». Но это было ещё до того, как пан Цеглевич её распечатал и стал нас угощать.

— Как раз наилучший момент для замены, — буркнула пенсионерка.

— Ваша наглость переходит все границы. Рысек, как ты можешь допускать, чтобы всякие там меня оскорбляли?!

— Я вам не «всякие там»!

— Тихо! Успокойтесь, пожалуйста. Так мы ни к чему не придём.

— Вот моя сумочка, пожалуйста, пан поручник, посмотрите, что там, — говоря это, Зофья Колянко пододвинула сумочку к офицеру милиции.

— Благодарю за доверие, — отказался Балерский. — Посмотрите сами.

— Ну конечно, сигарет нет, — подтвердила пани Зофья, перетряхнув содержимое сумочки.

— Когда я искал пивные бутылки, — сказал подпоручник, — то проверил, нет ли их под сиденьями. Сигарет там тоже не было. Но, может быть, нам удастся найти окурки?

Говоря это, Мариан Балерский заглянул в прикреплённый под столиком металлический контейнер для мусора. Там находилось пять окурков. Один, выкуренный едва на две трети, носил следы губной помады. Офицер аккуратно достал из контейнера все окурки и положил их в конверт. Затем проверил две пепельницы, которые находились в купе по обеим сторонам двери. Здесь обнаружилось два окурка. Один, выкуренный не более, чем наполовину, также был со следами губной помады. Оба «чинарика» тоже последовали в конверт офицера милиции.

— Окурки можно отдать на анализ, — заметил пан Стшельчик, — чтобы проверить, не отравлены ли.

— Конечно, мы это сделаем, — усмехнулся подпоручник. — Как следует из ваших рассказов, сигареты курили вы все. Напрашивается подозрение, что именно они явились причиной вашего ненормального сна. Анализ может это только подтвердить.

— Определение пути, по которому эти сигареты дошли до нас, — Эдвард Стшельчик опять подал голос, — приведёт к поимке преступника.

— Ничего другого не остаётся, — согласился подпоручник. — Так как там было с этой пачкой «Марачо»?

— Давайте я объясню, — вызвался Ян Цеглевич. — Я попросил проводницу, чтобы кто-нибудь из «Варса», кто будет разносить напитки, принёс мне эти сигареты. Других я не курю. И действительно, у разносчицы пива оказались «Марачо». Я купил пачку. Распечатал её и предложил закурить всем, кто находился в купе.

— Это не так было, — возразила пани Марианская. — Вы положили пачку на столик, а ваша соседка взяла её в руки и долго рассматривала. Даже положила её к себе в сумочку.

Зофья Колянко покраснела.

— Я сделала это абсолютно автоматически. Но я сразу же сигареты вынула и положила обратно на столик.

— А вот я видел, — сообщил Зыгмунт Ходыш, — что ту пачку первым брал пан Стшельчик. Он взял её с лотка разносчицы, когда она продавала мне и пану Колянко пиво в бутылках. Тогда пан Стшельчик рассматривал «Марачо», но потом вернул их обратно на лоток, а себе купил «Кармен». И только потом эта пачка попала к пану Цеглевичу, ну и к той пани.

— Вы что, меня обвиняете? — возмутился председатель кооператива.

— Я только рассказываю, как было.

— Но куда подевались эти сигареты? — спросил Цеглевич.

— Исчезли вместе с бутылками из-под пива, — ответил Рышард Колянко. — Преступник просто убрал вещественные доказательства.

— Это были мои сигареты. Я их раздавал, — признавался Ян Цеглевич. — И чтобы меня никто не подозревал — вот, пожалуйста, мой саквояж.

С этими словами молодой человек встал со своего места, снял с багажной полки небольшой чёрный саквояж и, открыв его, выгрузил всё содержимое на сиденье. Там были только полотенце, мыло, бритвенный прибор и какая-то книжка в яркой обложке.

— Также прошу пана поручника обыскать меня при свидетелях, потому что каждый смотрит на меня, как на вора. А ведь меня самого обокрали, причём украли казённые деньги.

— Я ни в чём пока вас не обвиняю, — сообщил подпоручник, — ни вас, ни кого бы то ни было из остальных. Мы только расследуем дело. Спрячьте свои вещи обратно в саквояж.

ТАИНСТВЕННЫЙ БОРОДАЧ

— Сейчас я вспомнила, — сообщила Ядвига Марианская, — что когда продавщица стояла в дверях нашего купе, к ней подошёл какой-то молодой человек. Он тоже заинтересовался сигаретами «Марачо». Повертел пачку в руках, но потом положил обратно и выбрал себе «Спорт». Именно эту пачку купил пан Цеглевич. В какой-то момент тот человек скрылся за спиной разносчицы. А потом, пока я не заснула, постоянно крутился возле нашего купе. Скорее всего наблюдал, что у нас происходит.

— Как выглядел этот мужчина?

— Как разбойник Мадей⁸. Длинные чёрные патлы и такая же длинная борода почти от самых глаз. Также был в чёрных очках, хотя в вагоне не настолько светло, чтобы нужно было так защищать глаза.

— Это был очень милый молодой человек, — подхватила пани Зофья, — подозревать его в преступлении — полный абсурд. Когда мы поднимались в вагон, он открыл нам дверь и принял от нас чемоданы. Мой багаж донёс до самого купе. А крутился он здесь потому, что рассчитывал, что я выйду в коридор и он сможет со мной пообщаться.

— Разве что только как с родной мамой или школьной подругой мамы, — саркастически отметила Марианская. — Этому пацану и двадцати пяти лет не будет.

Пани Зося надула напомаженные губки. Но если бы взгляды могли убивать, Марианская уже была бы холодным трупом.

Проводница во время этого разговора находилась в коридоре. И теперь подпоручник попросил пана Стшельчика, который сидел прямо у входа, пригласить девушку в купе.

— Вы видели в коридоре молодого человека с бородой?

— Видела, — ответила проводница.

— И что с ним было дальше?

— Сошёл в Познани.

— А почему он ехал в коридоре?

— У него не было плацкарты. Но он так просил, чтобы я взяла его в поезд, что я согласилась. У него был билет до Мендзыздроев, но он неожиданно вспомнил, что у него какие-то дела в Познани. Он меня ещё спрашивал, будет ли билет действительным для продолжения поездки.

— Вы всё время находились в коридоре этого вагона?

— Конечно нет. Я должна проверять билеты и в других вагонах. Но, поскольку служебное купе отдали двум пассажирам, свободное от работы время я проводила на скамеечке в этом вагоне. Здесь меньше народу. Только этот молодой человек и я. Мы разговаривали, чтобы не уснуть. Он оказался очень весёлым парнем. Такие истории рассказывал, что можно было живот надорвать от смеха.

— И вдруг ни с того ни с сего сошёл в Познани?

— Он говорил, что у него там приятель, с которым решил увидеться. Это музыкант. Он ехал в Мендзыздрои, чтобы там играть в оркестре, в кафе «Медуза». Но только с понедельника. Поэтому он подумал и оставшиеся три дня решил провести в Познани со своим приятелем, которого не видел уже несколько лет. Логично, нет?

— Так же логично, как и то, что плакали наши денежки, — подал голос пан Стшельчик. — Этот тип подменил сигареты, убедился, что мы заснули, и когда

проводница ушла в другой вагон, проник сюда и быстрёхонько без помех нас обчистил. А потом по надуманной причине сошёл в Познани.

— Если он музыкант, его нетрудно будет найти.

— Скорее всего музыкант. У него была скрипка в футляре. Он даже хотел мне сыграть какой-то свой опус, но поскольку я не выразила энтузиазма, он пригласил меня в «Медузу» в Мендзыздрах. Наверное, сделал это только из вежливости, — добавила девушка.

— Он не называл свою фамилию?

— Нет. Сказал только, что его зовут Пётр. Я тоже ему сказала, что меня зовут Элька. На том и закончилось.

Балерский записал у себя в блокноте: «Пётр — музыкант из «Медузы» и поставил при этих словах знак вопроса. После чего поблагодарил проводницу за сообщённые сведения.

— Мне ещё вспомнилось, — добавил Зыгмунт Ходыш, когда двери за девушкой уже закрылись, — что у тех сигарет был какой-то странный вкус. Не такой, как у обычных «Марачо».

— А вы их курили раньше?

— Не только курил, но у него и сейчас ещё есть пачка «Марачо» в кармане плаща, — констатировал Ян Цеглевич. — Когда я вставал, чтобы вам показать содержимое моего саквояжа, я случайно заметил в кармане плаща пана Ходыша зелёную пачку с характерным рисунком.

— У вас сейчас есть «Марачо»? — спросил подпоручник. — Будьте так добры показать.

Зыгмунт Ходыш, сильно смутившись, полез в карман плаща и вынул оттуда зелёную картонную коробочку. Она была примята, и внутри находились всего четыре сигареты.

— Я о них умолчал, — оправдывался молодой человек, — потому что их было мало, а этот пан так жаждал «Марачо», что нам обоим их бы не хватило. Не говоря уж о том, что было бы затруднительно распределить четыре сигареты на шестерых пассажиров.

— Но можно было подменить пачку, — размышлял вслух Рышард Колянко, — а потом, когда все уже спали, отравленные сигареты выбросить, хотя бы в окно, саму пачку примять, чтобы не выглядела только что купленной, и оставить в ней только нормальные сигареты.

— Вы с ума сошли.

— Можно с ума сойти, когда потерял столько денег наличными да ещё и драгоценности жены, — раздражённо парировал Колянко.

— Но вы забываете, что я вообще не брал купленную пачку в руки. Это как раз ваша жена её спрятала в свою сумочку. Будто бы по ошибке.

— Когда я её вынула, — защищалась пани Зося, — и положила на столик, именно вы её взяли. Я это очень хорошо помню. Вы их осматривали так, словно первый раз в жизни видели. Очень странно так осматривать пачку, когда такая же самая лежит в собственном кармане.

— Мне показалось, — неубедительно пояснил футболист, — что «Марачо», которые купил пан Цеглевич, запечатаны как-то иначе.

— Что вы говорите! — пробормотал Эдвард Стшельчик.

— Вы позвольте, — осведомился милиционер, — изъять у вас вашу пачку до выяснения всех обстоятельств дела?

— Да, пожалуйста, — Ходыш не мог не согласиться. — Пан поручник, вместо того, чтобы по очереди подозревать всех нас — нас, которых как раз обокрали — вам бы лучше заняться поисками настоящего преступника.

— Да ведь это не я вас подозреваю, — спокойно сообщил подпоручник, — это вы сами друг друга подозреваете. Я же ещё не закончил разговора с вами и никому ещё не предъявил никакого обвинения. Так кто же, по вашему мнению, этот настоящий преступник?

— Скорее всего девушка, которая разносила пиво и сигареты. У неё была, — рассказывал футболист, — заранее приготовлена пачка для «дорогих гостей». Увидев на руках пани Колянко столь ценные украшения, она решила их присвоить «в обмен» на ту пачку «Марачо». А когда мы заснули, девушка и её сообщник проникли в купе и всех нас обчистили. Чёрт уже с этими четырьмя тысячами. Но вот парни помрут со смеха, когда узнают, как меня обработали в поезде. Для самих пострадавших, конечно, это не так весело.

— На каком основании вы подозреваете разносчицу?

— Когда я спал, в какой-то момент я открыл глаза. И мне кажется, что эту девушку я тогда видел. Она наклонялась над пани Зофьей.

— Это вам приснилось, — возразил Эдвард Стшельчик. — Никакая девушка сюда не входила. Входил мужчина, но его лица я не видел.

— Он не входил, а только стоял в дверях, — уточнила пани Марианская, — и сразу же тихо закрыл их за собой.

— Это был не мужчина, а женщина, — возразила пани Зофья, — но ко мне она не подходила. Только постояла какое-то время в дверях. А потом действительно их тихонько закрыла.

ЧТО КОМУ СНИЛОСЬ

— Сон, — после короткой паузы взял слово подпоручник, — как утверждают учёные, не означает просто временной утраты сознания. Он также не продолжается непрерывно от момента засыпания до момента пробуждения. Различают как минимум три его фазы. Первая — это засыпание. Она состоит из кратких, продолжительностью в несколько секунд, периодов погружения в сон и таких же кратких периодов пробуждения. В это время человеку кажется, что он вообще не спал. Вторая фаза — это так называемый крепкий сон. Тогда человеку снятся сны. Как правило, чёрно-белые, но могут быть и цветные. И наконец, третья фаза — это переход к окончательному пробуждению. Она очень похожа на первую. Но даже вторая фаза — крепкий сон — не является однородной. Человек пробуждается во время сна достаточно часто. Тогда может даже что-то заметить. Что-то, о чём позже не может сказать, то ли это ему приснилось, то ли он видел это наяву. Так и наркотический сон, в который вас погрузили, не протекал непрерывно. Поэтому я прошу вас по очереди рассказать, что вам снилось, или, может быть, вы видели это наяву, хотя бы и очень недолго. Но очень прошу, чтобы вы отвечали по очереди. Пусть никто не прерывает рассказчика и не делает никаких замечаний. Договорились? Тогда я начну с пана Стшельчика.

На этот раз председатель кооператива не возмущался. Он кратко напомнил, что пил кофе. Признал также, что когда разносчица продавала двум пассажирам пиво, он взял с лотка пачку «Марачо», но сейчас же положил её на место и выбрал себе «Кармен». «Марачо» он курил уже несколько раз, но они ему не очень понравились. Предложенную паном Цеглевичем «Марачо» он взял только из вежливости и выкурил её практически до конца. Окурочек выбросил в пепельницу, находящуюся возле его сиденья.

— Вы сказали, что уже несколько раз курили «Марачо». У сигареты, которую вы выкурили в купе, был какой-то иной вкус?

Эдвард Стшельчик ненадолго задумался.

— Когда я её курил, мне не пришло в голову об этом задуматься. Но теперь, размышляя об этом, должен признать, что у сигареты пана Цеглевича вкус был лучше. Хотя, может быть, мне это только кажется. Я вообще довольно много курю, а до того не курил уже часа два. Голодному хлеб всегда вкусней кажется. Вот и с сигаретами точно так же.

— У разносчицы была только одна пачка?

— Нет. Два блока. Один початый. Но эта пачка лежала отдельно.

— Это была та самая пачка, которую перед вами рассматривал тот музыкант с бородой?

— Он её взял после меня. Я вернул «Марачо» на лоток, и он тогда подошёл и взял эти сигареты. Я же стал помогать разносчице открывать пиво, потому что она делала это очень неумело. Из одной бутылки даже порядочно пива вылилось, потому что в отличие от моего кофе, которое было почти холодным, пиво было тёплое.

— Что было дальше?

— Все выкурили по сигарете и всех начала одолевать странная сонливость. Первой заснула пани Колянко. Помню, её муж даже смеялся, что его жена утверждала, будто в поезде глаз не сомкнёт, а на самом деле заснула самая первая. За ней по очереди начали засыпать все. Я также стал проваливаться в сон. Но прежде, чем заснуть, я по просьбе моей соседки задвинул шторку и закрыл дверь на задвижку.

— И потом сразу заснули? — уточнил подпоручник.

— Не сразу. Мне вообще трудно заснуть. Так и вчера вечером я никак не мог выбрать себе удобного положения. Наконец я уткнулся лицом в плащ, висевший за мной, и погрузился в дрему. Не знаю, то ли мне это снилось, то ли я ещё не спал, но мне показалось, что кто-то открыл двери, а потом их тихо закрыл.

— Кто?

— Тогда я был такой сонный, что не мог открыть глаз. Я вообще не уверен, было ли это в действительности, или это был только сон.

— А потом?

— А потом я почувствовал, что кто-то меня трясёт и хлопает по щекам. Открыл глаза и увидел перед собой какой-то силуэт. В первый момент, пока я не проснулся окончательно, я подумал, что я умер и надо мной стоит ангел. Потом я сориентировался, что это офицер милиции, который меня будит.

— Давайте вернёмся к моменту, когда вы закурили эти сигареты. Что произошло дальше с пачкой «Марачо»?

— Да ведь это были не мои сигареты, поэтому я не интересовался.

— Владелец их спрятал в карман?

Эдвард Стшельчик немного задумался перед тем, как ответить.

— Да вроде нет. Мне кажется, что вместе со спичками он их положил на столик возле окна. Но в этом я не уверен.

— Он прикуривал сигареты спичками?

— Нет. Он действительно вытащил спички и держал их в руке, но во второй руке у него была пачка сигарет, которую он нам предлагал. В таком положении он не мог воспользоваться спичками. Пассажир из-под окна поднёс нам огонь от своей зажигалки. Владелец сигарет положил коробок спичек на столик, а потом также и пачку «Марачо».

— Вы часто ездите в Мендзыздрой?

— Я был там три года назад.

— А в Щецин?

— Один раз съездил туда катером на подводных крыльях, чтобы посмотреть город. Больше я в Щецине не бывал.

— Благодарю вас. А теперь я хотел бы послушать пана Цеглевича.

— Так я же уже вроде всё вам сказал. Купил пачку сигарет у разносчицы. Уплатил, распечатал ту пачку и предложил закурить всем присутствующим здесь пассажирам. Я курю «Марачо», потому что только эти сигареты не вызывают у меня кашель.

— Вы не проследили путь купленной вами пачки до того, как вы её распечатали?

— Нет. Я не обратил на это внимания. Помню только, что пани Зофья её рассматривала и потом положила обратно на столик.

— Вы присматривались к этой пачке?

— Специально нет. Сигареты как сигареты. Ничего необычного не заметил.

— Вы часто ездите в Щецин?

— Не реже одного-двух раз в месяц. Бывает, что и два раза в неделю. Как я уже говорил, я снабженец. Перемещения по стране в поисках нужных материалов — это необходимость для нашей отрасли.

— А в какой отрасли вы работаете?

— В автосервисе.

— О, это очень интересно, — обрадовался подпоручник. — Может, скоро я тоже стану вашим клиентом, когда обзаведусь наконец собственным «железным конём». Где точно вы работаете и с какой целью на этот раз поехали в Щецин?

— Работаю в «Автомеханике».

— Это какое предприятие? Государственное или частное?

— Частное.

— Из вас надо слова по одному клещами вытягивать...

— Так ведь я нервничаю. Потерял более восьми тысяч злотых. Не моих злотых. Я поехал в Щецин, чтобы купить запчасти к автомобилю «Вольво». Теперь у меня нет денег, чтобы за них заплатить. Хозяин понесёт ещё большие убытки и заставит клиента ждать. Неудивительно, что от этого у меня голова кругом идёт. Сам не вполне понимаю, что говорю.

— Понимаю ваше положение. Но оно не слишком отличается от положения остальных пассажиров. Мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы найти преступников и вернуть украденные у вас деньги и ценности.

— Будем надеяться, что вам это удастся, — в голосе Яна Цеглевича не чувствовалось, однако, оптимизма.

— Как осуществляется покупка запчастей в Щецине?

— Мастерская, в которой я работаю, специализируется главным образом на ремонте автомобилей «Вольво». Конечно, мы ремонтируем и другие. Больше всего «Фиатов-125» и «Малюхов»⁹. Но «Вольво» — это наша визитная карточка. Простейшие запчасти делаем сами, но большинство надо покупать. Официальным путём за них надо платить валютой, а потом ещё порядочно ждать. Но в Щецине полно шведов с другого берега Балтики. Пан Павел Хшан, владелец фирмы, наладил с ними контакты. Достаточно только позвонить. Они там у себя покупают и привозят в Щецин.

— Просто за красивые глаза?

— Да нет, — рассмеялся молодой человек. — Это им здесь оплачивается. Но в злотых. Им ведь всё равно нужны наши деньги, чтобы хорошенько отдохнуть в городе. Теперь вы понимаете, в каком глупом положении я оказался. Швед привезёт товар, а мне нечем за него уплатить. Останется в чужом городе без гроша.

— Не будем о нём беспокоиться. Уж наверно, что-то придумает. Пару крон-то отыщет в кармане, — махнул рукой подпоручник. — Вернёмся к моменту, когда все уже выкурили те сигареты. Как постоянный курильщик «Марачо», вы не заметили перемены в их вкусе?

— Нет. Никакой.

— Вы сразу крепко уснули?

— Сначала уснула моя соседка. Она смотрела «Бурду», потом отложила журнал и через минуту уже спала. Тогда и я решил уступить навалившейся на меня дреме. Уже засыпая я заметил, что кто-то погасил свет в нашем купе. Ничего больше я не помню. Как будто сразу потерял сознание.

— А потом?

— Потом? Не знаю, может, мне это снилось, а может, было на самом деле. Уже начинало светать. Мне показалось, что в купе кто-то есть. С большим усилием я открыл глаза и увидел, как кто-то как бы метнулся в сторону моей соседки, пани Зофьи, а потом сразу покинул купе.

— Именно так всё и было, — воскликнул Зыгмунт Ходыш, — я это отчётливо помню. Эта женщина наклонялась над пани Колянковой. Она рядом со мной стояла. Видимо, пан Цеглевич проснулся одновременно со мной. Уже светало.

— Мы же договорились, пан Ходыш, — подпоручник обратился к футболисту, — что никто никого не будет перебивать и вмешиваться в разговор. Дойдёт и до вас очередь.

— Извините.

— Этот «кто-то», которого тот пан считает женщиной, был в белом фартуке?

— Это скорее всего и была женщина, но в каком-то сероватом плаще. Белый фартук наверняка был бы замечен в полумраке купе.

— Вы тоже сказали, — Мариан Балерский обратился к пенсионерке, — что кого-то видели ночью в купе. Что-нибудь ещё вы припомнили?

— Я очень устала. Этот наркотический сон меня обессилил. От неудобной позы у меня теперь болят кости и мышцы. И ещё в голове стучит, как в кузнице. Даже кофе, который вы попросили для нас принести, не очень помог... Из всех вещей, — прибавила Ядвига Марианская, — которые создал бог, ему менее всего удалась старость. Мне крупно повезло, что я выкурила только половину этой проклятой сигареты. Иначе я бы точно прямо здесь и слегла.

— Но вы кого-то видели ночью в купе?

— Да. Пан Ходыш подозревает разносчицу пива. Она будто бы продала отравленные сигареты. Но я совершенно уверена, что эта девушка невиновна.

— Почему?

— Потому что я видела преступника.

— Так надо было поднять тревогу.

— Тогда я ещё не знала, что это преступник. Я проснулась среди ночи. У меня разболелась шея. Я тогда на секунду открыла глаза и увидела, что в купе возле меня стоит какой-то мужчина.

— Вы его хорошо видели?

— Да. Ведь в купе горела маленькая синяя лампочка. Это был довольно высокий мужчина. Он стоял неподвижно. Его лица я не видела: он стоял ко мне боком. Это длилось какой-то миг. Я поменяла положение. Боль в шее прошла, и я опять погрузилась в этот нездоровый сон.

— Вы едете в Мендзыздрой?

— Да. У меня там забронирован номер. К счастью, документов у меня не украли. И старики ведь обычно предусмотрительны, поэтому в чемоданчике у меня с собой есть сберкнижка. Так что несмотря на чувствительную потерю, я не осталась в безвыходном положении.

— Повезло вам, — усмехнулся подпоручник.

— Вы действительно полагаете, — в голосе Марианской слышалась слабая нотка надежды, — что у нас есть шансы получить обратно наши деньги? Я целый год экономила, чтобы на отдыхе почувствовать себя «миллионершей», а тут всё черти взяли.

— Не черти, а воры. Мы их поймаем.

— Хорошо бы... — вздохнула пенсионерка.

— Вы пострадали больше всех: у вас украли золотые часики и браслет, — обратился Балерский к Зофье Колянко. — Хорошо, что хотя бы колечки остались.

— К счастью. Они стоят дороже, чем браслет и часики. Я с детства сплю с руками, сжатыми в кулаки. Это и спасло колечки. Вор побоялся разогнуть мои пальцы: я ведь могла проснуться. Тем более что я выкурила только чуть больше половины отравленной сигареты.

— С сегодняшнего дня, — отозвался Эдвард Стшельчик, — я буду спать, держа руки на груди. Против того места, где у меня в пиджаке карман, в котором я ношу кошелек.

Подпоручник строго взглянул на председателя кооператива, но ничего не сказал и снова задал вопрос пани Зофье:

— Ночью вы просыпались? Или, может быть, вам что-нибудь снилось?

— Наверное, просыпалась. Вскоре после того, как я заснула. За окном было темно. В купе светилась только синяя лампочка. В её свете я заметила как бы тень, выходящую из купе, и услышала щелчок осторожно закрываемой двери.

— Если за окном было темно, значит, вы проснулись ещё перед Познанью. Сейчас рассветает около трёх часов утра.

— Да, было ещё темно.

— Это был мужчина?

— Определённо женщина.

— На основании чего вы сделали такой вывод? Вы же сами только что сказали, что это была только «тень».

— Но женская тень. Не могу вам сказать, на чём держится моя уверенность. Я видела эту тень лишь какой-то момент, краем глаза. Я хоть и была в полусне, но твёрдо убеждена, что это была женщина. Помню ещё, что у меня затекла шея. Я спала, откинув голову назад. Тогда я переменила позу: положила руки на столик, а на них сверху — голову.

— В таком положении мы вас и нашли утром. Я открыл окно и вы сразу проснулись. Вы много курите?

— Очень мало. Две-три сигареты в день. Бывают дни, когда совсем не курю.

— Тогда почему вы закурили «Марачо»?

— Просто я таких сигарет раньше не только не курила, но даже не видела. Хоть я и мало курю, у меня в сумочке всегда есть сигареты. Поэтому, рассмотрев пачку «Марачо», я её машинально и спрятала в сумочку. А сигарету закурила просто из любопытства. Женщины любопытны.

— Так же, как и мужчины. Вам понравилась та сигарета?

— Даже очень. Иначе я бы сделала не больше двух-трёх затяжек.

— Вы часто бываете в Щецине?

— Нет. Да и то только проездом. Два раза была в Мендзыздрях. Но это было более десяти лет назад.

— А вы, пан Колянко? — обратился подпоручник к мужу пани Зофьи.

— Я был в Щецине где-то четыре, может, три года назад. Искал тогда сырьё для своей фабрики. Но ничего не нашёл.

— Вы понесли большие убытки. Больше, чем кто-либо из остальных.

— Такова жизнь. Сегодня нашёл, завтра потерял. Ничего не поделаешь, буду вынужден снова купить моей госпоже такие же украшения.

— Попробовал бы ты не купить! — прошипела пани Зофья.

— Почему у вас было при себе столько денег наличными?

— Ну так мы ехали отдыхать. Надо немного расслабиться. И кроме того, хорошо иметь некоторую сумму в кармане. Может, чего попадётся. Мендзыздрои, Свиноуйсьце — много иностранцев. Главным образом шведов. Это тоже торговый народ. Если нет наличных в кармане, хорошая сделка может сорваться.

— А сберегательной книжки вы случайно не взяли?

— Даже не собирался. Я слышал, что в Мендзыздрях трудно снять деньги. На почте не протолкнёшься. Ну, ладно. На завтрак у меня ещё хватит. В кармане пиджака у меня много мелочи и вроде даже две-три купюры осталось. Отправлю телеграмму, и сын, который замещает меня на фабрике, пришлёт деньги.

— Вы надолго в Мендзыздрои?

— На месяц. У нас оплачено в «Орбисе»¹⁰. Я думаю, пан поручник, что эта кража — дело рук разносчицы пива. Что бы там ни говорила пани Марианская, я эту девчонку подозреваю больше всего. Это ведь она принесла «Марачо». Пачку она не из блока достала, а подала ту, которая лежала в лотке отдельно. Я это отчётливо помню. А когда явилась за пустыми бутылками, заодно собрала и денежки.

— Вы точно знаете, что она приходила за бутылками?

— Должна была прийти, потому что бутылок в купе нет.

— Выкурив сигарету, вы сразу уснули?

— Минуты через две-три.

— Вы ничего не помните из того, что происходило ночью?

— Да вроде нет. Разве что кельнера.

— Кельнера? Что он делал в вашем купе?

— Открыл двери. От этого я проснулся, ну или тогда не совсем ещё уснул.

— Вы его хорошо рассмотрели?

— Конечно. Ведь в купе не было так уж темно.

— Что он делал? Это был тот самый кельнер, который разносил кофе и чай?

— Он открыл двери и вошёл внутрь. Я хотел его спросить, зачем, но он быстро вышел.

— Он увидел, что вы не спите?

— Конечно увидел, потому что я спал, положив голову на подголовник, а в тот момент как раз её поднял и посмотрел на него.

— А он?

— Он закрыл двери. Помню, что он замкнул их на ключ так, как это делал тот пассажир, что сидит у дверей. Некоторое время я таращился кельнеру вслед, но мне опять захотелось спать, и я заснул.

— А ваша жена тогда спала?

— Определённо спала. Откинув голову назад.

— Может быть, кельнер забрал бутылки из-под пива?

— Нет. Когда я проснулся, мне захотелось пить. Я подумал, что было бы неплохо глотнуть пива, но сразу же вспомнил, что я всё выпил. Бутылки стояли на столике.

— Вы уверены, что тогда ночью их видели?

— Уверен.

— А позже вы уже не просыпались?

— Нет. Только когда жена и вы начали приводить меня в чувство.

— Итак, — объявил подпоручник, — мне осталось только поговорить с паном Зыгмунтом Ходышем.

— И зачем это всё, — опять подал голос пан Стшельчик, — эти разговоры ничего не дают. Ни мы денег не получили, ни вы не знаете, кто нас обокрал.

— Вы правы, — согласился Балерский, — ещё не знаю. Но не теряю надежды узнать. А эти разговоры, вопреки вашему мнению, очень важны для следствия. Они позволяют как можно точнее установить ход событий.

— Ну и что? — не сдавался председатель кооператива. — Мы и так знаем, что скорее всего нас одурманили сигаретами «Марачо». Но мы не знаем, как попала та пачка в наше купе. То ли её разносчица нам продала, то ли её ловко подбросил тот бородатый. А может быть, они оба состояли в сговоре? Он быстренько сошёл в Познани с нашей наличностью, а вы ту девчонку даже не допросили. Только нас зря терзаете.

— Поговорю и с разносчицей. На этот счёт можете быть спокойны. Дойдёт очередь и до неё, и до остальных работников «Варса». Но сначала я закончу разговор с вами. Остался только пан Ходыш. Но для начала пусть он мне скажет, кем он в действительности является. А то говорил о профессии слесаря, а потом утверждал, что он футболист.

— В отделе кадров я записан на фабрике слесарем. Но туда я только зарплату получать прихожу. Играю левым нападающим «Звезды», в первой лиге.

— Вы часто бываете в Щецине?

— Последний раз был на матче с «Погонией», они тогда ещё не вылетели из первой лиги. Бывал и на других играх нашей «Звезды». Это выходит самое малое один раз в год. Но не чаще трёх раз за сезон.

— Вы сейчас едете отдыхать куда-то на побережье или только до Щецина?

— Еду до Виселки. Там у ребят из «Урагана» тренировочный лагерь.

Подпоручник удивился:

— Но вы же сами только что сказали, что играете в «Звезде».

— Перевожусь к вам в «Ураган».

— Не понимаю. «Ураган» играет в межвоеводской лиге, а «Звезда» — в первой. Не будет ли это для вас понижением статуса?

Футболист беззаботно расхохотался:

— Ну что вы, поручник. Играют там, где злотые каплют. Когда год назад я переводился из «Ополянки» в «Звезду», меня обхаживали со всех сторон. Обещали девяносто тысяч подъёмных, талон на «Малюха», трёхкомнатную квартиру в Варшаве и не менее двадцати пяти тысяч злотых в месяц. Подъёмные и талон дали, но с остальным до сих пор волынят. Записали в штат на одной фабрике на дурацкие семь тысяч, а остальное мне должно причитаться с премий за выигранные матчи. Здорово придумано.

— Каков же размер премий в первой лиге?

— Несчастные шесть тысяч за выигранный матч на чужом поле. На своём поле — четыре. За ничью половина, а за проигрыши вообще не хотят платить. Я не фраер, надо сматывать удочки и искать счастья где-нибудь в другом месте...

— Да, — усмехнулся подпоручник, — то-то я смотрю, в последнее время «Звезда» слабо играет. Уже скатилась на девятое место в таблице.

— Уже на одиннадцатое, — уточнил Зыгмунт Ходыш. — Проигрывает матч за матчем и премий не хотят платить.

— Так может, у них и не принято платить за проигранные матчи?

— Даром никто играть не будет. Я первый...

— Насколько я знаю, в межвоеводской лиге премий не платят. А если платят, то намного меньше, чем в первой лиге.

— В «Урагане» меня запишут на фабрике бригадиром или мастером цеха. На руки буду получать на две тысячи больше. Кроме того, мне назначили такие же премии, как и в первой лиге, причём независимо от результата матча. Подъёмных дают сто пятьдесят тысяч. Квартира М-4¹¹, мне уже ключи показывали. Плюс талон на «Фиат» более крупной модели или на «Полонез». Надо мной уже дворовые собаки смеются, что до сих пор езжу на «Малюхе». Футболист первой лиги — и садится в «Фиат-126».

— Это действительно интересно, — с иронией отметил подпоручник, — если учесть, что и «Ураган» переживает сейчас не лучшие времена. В межвоеводской таблице ему гораздо ближе к концу, чем к началу.

— Вот они и выкладываются, чтобы заполучить опытных игроков. Уже ведут переговоры с некоторыми из «Вислы», «Руха» и других клубов.

— Откуда у них столько денег?

— Ну что вы, на футбол всегда деньги найдутся. От других видов спорта отнимут. Ну и кроме того зрители, то есть болельщики, жертвуют. Не сто́ит о деньгах беспокоиться. Производственное объединение тоже из своих фондов поддерживает фабричный клуб. Ведь директор — его председатель и сидит в ложе для почётных гостей.

— Чтобы перевестись в другой клуб, нужно получить открепление. Вам «Звезда» его даст?

— Если не даст, ничего страшного. Ну, посижу с годик на скамейке запасных «Урагана». Тренироваться буду вместе с ними. Денежки и так будут капать. Но думаю, что договорятся. Дадут «Звезде» сколько нужно, чтобы она купила кого-нибудь на замену. В последнее время я играл не в полную силу. Перестала у меня лежать душа к «Звезде».

— Вернёмся, однако, к нашему делу. Был ли у той сигареты какой-нибудь необычный вкус?

— Нет.

— Но потом вам захотелось спать?

— Не сразу.

— Расскажите, что было после того, как разносчица принесла пиво и сигареты.

— Я взял бутылку пива, и тот пан, что возле меня сидел. А этот напротив попросил сигареты «Марачо».

— Вы видели, как продавщица вынимала их из лотка?

— Нет. Это не так было. Девчонка сначала хотела, чтобы мы заплатили за пиво. Я дал мелочью, а мой сосед — сотенную. Она отсчитывала сдачу. В этот момент к разносчице подошёл какой-то парень и тоже спросил сигареты «Марачо». Она ему подала пачку, потому что он стоял уже рядом с ней. Пачку она вынула из почти целого блока. Но тот парень её не купил, а вернул, и взял себе «Клубные», что ли. Тогда разносчица подала эти «Марачо» пассажиру из нашего купе.

— Ту самую пачку, которую рассматривал и вертел в руках тот покупатель?

— Скорее всего ту же самую. Это выглядело так, будто он ей вернул сигареты, а она сразу и подала их тому пассажиру из нашего купе.

— А этот из коридора мог подменить пачку?

— Если обладал достаточной ловкостью рук, то мог. Я помню только, что он пристально разглядывал те сигареты. Словно впервые в жизни их видел. Он стоял чуть позади девчонки, а подменил или нет, того я не видел.

— Что было потом?

— А что должно было быть? Я выпил пиво, взял предложенную сигарету и закурил её. Как и все остальные в купе. А потом все по очереди начали засыпать.

— Вас это не удивило?

— Нет. Ведь было уже поздно. Двенадцатый час. Сначала уснула блондинка под окном. Потом, наверное, тот напротив, а после него — муж блондинки. Пожилая пани попросила погасить свет и тоже сразу уснула. Я держался дольше всех.

— А прежде, чем уснуть, вы больше не курили?

— Нет.

— Но ведь сигареты лежали на столе.

— Лежали. Помню, что поставил рядом с ними пустую пивную бутылку. Но я не курил. Не хотелось. Да и в конце концов у меня были свои. Я не брал бы чужих сигарет.

— А кто выкурил две «Марачо»?

— Никто. Каждый выкурил по одной.

— Как выглядел этот парень в коридоре?

— Чёрный. Бородатый, с длинными волосами и усами. Носил очки. А носяра был как рубильник.

— Вы бы его узнали?

— По такому носу — всегда. Да я его и не первый раз вижу. Он действительно музыкант. Играл в варшавских кабаках прошлой зимой.

— Где именно?

— Да вроде в «Золотой утке» или в «Селянке». Или на Груецкой? Они часто меняются. Сегодня он играет здесь, а через пару месяцев — уже в другом месте.

— Вы просыпались ночью?

— Нет. Спал как убитый до самого утра.

— Жаль.

— Мне тоже жаль, что я не чувствовал, как лезут ко мне в карман. Уж я-то приложил бы как следует. Вы, пан поручник, вора бы дольше тогда приводили в сознание, чем утром сегодня нас всех вместе взятых. Но у меня просто не было сил проснуться.

— То есть, вы всё-таки чувствовали, что кто-то вытаскивает у вас кошелек?

— Нет. Но двери в коридор открываются не бесшумно. Ночью я слышал, как их открывали и закрывали.

— Это было сразу после того, как вы заснули?

— Не знаю. Их открывали и закрывали несколько раз. Я это отчётливо слышал, но был не в силах открыть глаза.

— Несколько раз?

— Раза три точно. А может быть, и четыре...

— А шагов вы не слышали? Как если бы кто-то входил или выходил из купе?

— Нет. Этого я не слышал. Только звук открываемых дверей.

— Но ведь не далее, как полчаса назад, — напомнил футболисту подпоручник, — вы утверждали, что видели в купе разносчицу.

— А, да. Вероятно, я мог её видеть, — согласился молодой блондин.

— Так как же всё-таки было? Вы её видели или нет?

— Видел, или мне снилось, что я её вижу. Она стояла рядом со мной, наклонившись в сторону пани Колянко.

— Это точно была разносчица? Вы её лицо видели?

— Лица не видел, но на ней был белый фартук, значит, это должна была быть разносчица.

— Это было ещё перед Познанью?

— Откуда мне знать? Было ещё темно.

— Что вы ещё помните?

— Помнить — так ничего больше не помню... А с этими сигаретами вообще вышло с моей стороны глупо. У меня в пачке оставалось четыре штуки. Поэтому, когда пан Цеглевич говорил о «Марачо», я не сказал, что у меня есть такие. Не признавшись сразу, я дальше должен был делать вид, что впервые их вижу. Только поэтому я и взял сигарету, которую он мне предложил. Если бы я закурил свою, поймал бы воровку на месте преступления. Дурак я. Осталось только, чтоб меня на ближайшей игре «поломали».

Мариан Балерский посмотрел на часы. Без малого пять утра. До Щецина ещё полтора часа. Даже если поезд не опоздает, на что, впрочем, надеяться не приходилось, потому что он не ехал, а тащился. Вероятно, на этом отрезке пути производили замену рельсов, а может быть, шпал. Подпоручник увидел, что успеет ещё поговорить с работниками «Варса». Особенно он желал побеседовать с разносчицей, которую путешественники явно обвиняли в краже.

— Благодарю вас за сообщённые сведения, — подпоручник встал и направился к выходу. — Они действительно очень ценные и определённо помогут найти преступника. Я уже больше не буду вас беспокоить. Но не прощаюсь. Сразу же по приезде в Щецин вам надо будет явиться в железнодорожный комиссариат народной милиции и официально дать показания. Возможно, что я сам и буду опрашивать вас.

— И опять начнётся то же самое переливание из пустого в порожнее: кто брал пачку сигарет в руки, кто когда заснул и так далее, — председатель Стшельчик, как обычно, был недоволен. — А наших денег мы так никогда и не увидим.

Мариан Балерский пропустил мимо ушей это замечание. Оказавшись в дверном проёме, он слегка кивнул головой и тихо закрыл за собой двери. Проводница сидела на скамеечке в коридоре. Увидев офицера милиции, она подошла к нему.

— Ну что, пан поручник? — спросила она.

— Их усыпили отравленными сигаретами, — Балерский не видел причин скрывать то, что к настоящему моменту выяснил, — а потом обокрали.

— И много взяли?

— Вместе с бижутерией — почти на двести тысяч злотых.

— Ну конечно, — согласилась проводница, — сейчас на море самый сезон. В Мендзыздрой едут, как правило, люди обеспеченные. Больше не для того, чтобы отдохнуть, а для того, чтобы развлечься. Значит, у каждого — тугой кошелек. А та пани под окном была обвешана бижутерией, как новогодняя ёлка. Зачем такие ценности носить на себе?

— Чтобы все видели, какая она богатая.

— Вот вор и увидел и воспользовался. Я вам буду нужна?

— Естественно. В Щецине вам придётся дать показания. Но до этого я хочу с вами немного поговорить. Мы ведь успеем до прибытия в Щецин?

— Мы ещё Старгард не проехали. Мы сильно опаздываем, потому что на этом участке ограничена скорость движения поездов. Хорошо, если будем в Щецине через два часа.

— Мне это как раз на руку. Успею опросить и вас, и работников «Варса».

— Здесь рядом есть пустое купе, — предложила проводница. — Ехали какие-то мужчины, но они все сошли в Кшиже.

— Вот и прекрасно. Можно будет поговорить спокойно.

Проводница вошла в купе и уселась напротив офицера милиции.

— Хотя наш разговор будет не вполне официальный, — начал объяснять подпоручник, — но он не менее важен для следствия, которое будет открыто по этому делу. Поэтому прошу вас рассказать обо всём, на что вы обратили внимание в этом вагоне. Мельчайшая подробность, на первый взгляд не имеющая никакого значения, может оказаться решающей для поимки преступника.

— Я понимаю, — не стала возражать девушка.

ЧТО ВИДЕЛА ПРОВОДНИЦА?

— Ну, прежде всего — меня зовут Мариан Балерский. Я подпоручник милиции и работаю как раз в железнодорожном комиссариате в Щецине. В том самом, который будет вести следствие по этому делу. Вот так вот оно счастливо совпало.

— Да, повезло пострадавшим. Милиция оказалась сразу на месте преступления.

— Ваша фамилия?

— Эльжбета Гжанковская. Двадцать три года. Проживаю в Варшаве. Закончила там «железнодорожку» и после практики сначала работала в пригородных поездах. Затем перешла на пассажирские, а потом — и на скорые.

— Как проходила ваша работа этой ночью?

— Как обычно в сезон отпусков, когда в поезде, идущем на море, все места заняты. Вообще-то нам разрешается брать пассажиров только с плацкартами. Но разве откажешь людям, у которых оплачена путёвка, но которым не хватило плацкарты? Поэтому смотрят сквозь пальцы на то, что пассажиры, не имеющие плацкарт, едут в коридоре. Вот и сейчас во втором классе таких набралось столько, что трудно пройти по вагону. В первом классе довольно свободно.

— А в том купе?

— Когда я там проверяла билеты, один из пассажиров попросил, чтобы я сообщила разносчице, что он хочет купить сигареты «Марачо». Конечно, я согласилась, потому что и так шла в ту сторону. Да и этого пассажира я в лицо знаю, он часто ездит до Щецина.

— Вы сообщили разносчице?

— Да. Встретила её во втором или в третьем вагоне. Она сказала, что такие сигареты у неё есть. Она продавала пиво, что-то там из еды и сигареты, а я шла навстречу, проверяя билеты.

— Вы когда-нибудь курили «Марачо»?

— Я не курю. Как-то не получилось у меня этому научиться.

— Завидую вам. Я, к сожалению, в этом отношении оказался слишком способным учеником.

— Только в этом отношении? — проводнице нравился молодой офицер.

— Не только. Вы не заметили, в других вагонах покупали такие сигареты?

— Скорее да. Я видела, что у разносчицы, пани Крыси, было в лотке несколько блоков «Марачо».

— Вы всю ночь работали?

— Между Варшавой и Познанью мало кто садился. Но как в Кутно, так и в Конине, когда поезд останавливался, я выходила на перрон. Хотя можно было немного подремать, но народу было столько, что ещё в Варшаве купе проводников отдали женщинам с детьми.

— Но ведь это поезд только для пассажиров с плацкартами.

Проводница усмехнулась:

— Как я уже говорила, те, у кого нет плацкарты, а ехать надо, приходят на станцию, садятся в поезд и едут. Если не находят свободного места, едут стоя в коридоре. Людей же из вагона не выбросишь.

Эту систему подпоручник хорошо знал. Проводники впускают в вагон пассажиров, рассчитывая на их «благодарность». Это уже освящено традицией, которая тянется, вероятно, ещё со времён первых железных дорог.

— Во втором классе, — продолжала проводница, — в коридоре людей так много, что я едва протискивалась, чтобы их обилетить.

Офицеру милиции припомнились выступления по радио недавно умершего профессора Дорошевского. Как он воевал с такими языковыми убожками, как «обилечивание» или недоброй памяти «настирка за день»¹². Однако в профессиональном просторечии железнодорожников «обилечивание» могло бы иметь право на существование.

— А в первом, где ехали наши пассажиры?

— В первом было свободно. Только один пассажир сидел на скамеечке в коридоре. Люди боятся заходить в вагоны первого класса, потому что я имею право, и даже обязана, требовать, чтобы те, у кого билет во второй класс, доплачивали до стоимости проезда в первом классе.

— Даже за стояние в коридоре?

— Даже. Но у того пассажира был билет в первый класс. Правда, без плацкарты, поэтому он и сидел на складной скамеечке.

— Как он выглядел?

— Черноволосый и бородатый. Очень весёлый. Такие шутки откалывал, что я смеялась до слёз. Это музыкант. Он ехал в Мендзыздрой.

— Он курил сигареты?

— Предлагал мне «Спорт», но я не курю. Сошёл в Познани. Вы уже меня о нём спрашивали.

— Вы долго были в коридоре первого класса?

— Я уже говорила, что своё место я отдала какой-то женщине с ребёнком. Как только у меня появлялась свободная минута, я возвращалась в этот вагон. Сначала разговаривала с тем черноволосым, а потом дремала на стульчике. Так же, впрочем, как и он.

— Вы должны были видеть, кто входил или выходил из купе.

— Входить — так нет, потому что все места в вагоне были заняты ещё в Варшаве. А выходить — конечно, люди выходили. Покурить в коридоре, или в туалет.

— Меня интересует, входил ли кто-нибудь ночью в то купе.

— Я сама входила. Точнее, открыла двери и сразу же их закрыла.

— Когда это было?

— Как только поезд отъехал от Кутно. Я заметила, что в Кутно в вагон первого класса вошло несколько пассажиров. И когда я проверила билеты у новоприбывших во втором классе, стала заглядывать в купе первого класса.

— Зачем? Ведь все места были заняты ещё с Варшавы. Вы же сами мне об этом только что сказали.

— Да, но в первом в купе сидят по шесть пассажиров. Если захотят немного потесниться, то найдётся место ещё для двоих. Так часто случается.

— Тогда тоже так случилось?

— Нет, во всех купе число пассажиров было стандартным.

— А в том купе?

— Когда я открыла двери, то увидела, что они уже обилечены и спят. Чтобы никого не будить, я тихонько закрыла двери.

— На ключ?

— На ключ. Открывать их перед этим мне тоже пришлось ключом.

— У кого есть ключи от купе?

— Изначально — у всех проводников. Это такие универсальные ключи, которыми можно открыть три вида замков в вагонах. Замки купе открываются вот

этим концом с квадратным вырезом, — говоря так, проводница показала офицеру милиции свой ключ, — но теперь такие ключи есть и у работников «Варса», потому что они собирают стаканы и бутылки.

— Откуда у них такие ключи?

— То ли «Варс» получил их от железной дороги, то ли они сами как-то вышли из положения... Такие ключи сделать несложно. А им они здорово облегчают работу.

— Кроме вас, кто-нибудь ещё входил в то купе?

— Да, входил. Пан Вацусь жаловался, что не может досчитаться стаканов после раздачи чая и кофе. Он ходил по вагонам и заглядывал в купе. В то купе он тоже вошёл, но сразу же вышел.

— У него что-нибудь было в руках?

— Нет. Ни одного стакана он там не нашёл.

— А пивные бутылки?

— Пан Вацусь бутылок не собирает, потому что он пива не продаёт. Это делает пани Крыся.

— Кто такие эти пан Вацусь и пани Крыся?

— Пан Вацусь — это кельнер из «Варса». Вацлав Далечный. А Крыся — разносчица напитков и сигарет. Крыстына Фаенцкая.

— Как долго вы с ними работаете?

— С Крысей уже более полугода ездим вместе на этой линии. С кельнером — около трёх месяцев.

— Когда Далечный собирал стаканы?

— Это было ещё между Кутно и Конином. Он заглянул в то купе через минут пятнадцать после меня. Я тогда разговаривала с тем бородатым музыкантом.

— А кроме пана Вацуса, вы никого больше не видели?

— Нет, — это слово проводница произнесла не очень уверенно.

— Да ну? Предупреждаю вас: за дачу ложных показаний предусмотрено наказание. Сейчас вы сказали неправду. Кого вы хотите выгородить?

— Но если в действительности я в этом не уверена...

— Всё равно скажите. Мы так и отметим, что проводница не утверждает этого с полной уверенностью.

— Не хочется выглядеть ябедой. В этом поезде я работаю по ночам уже несколько лет. Хорошие отношения между работниками железной дороги и «Варса» очень облегчают работу.

— Я понимаю вас. Но речь идёт об очень серьёзном преступлении. О краже более ста пятидесяти тысяч наличными и в драгоценностях. Причём кража связана с отравлением потерпевших каким-то наркотиком, что могло иметь трагические последствия. Колебания здесь неуместны.

— Я это всё понимаю, пан поручник, — Эльжбету Гжанковскую не вполне убедили доводы офицера милиции, — но не хотелось бы, чтобы обо мне думали, как о доносице, которая бросает тень подозрения на невиновного, может быть, человека.

— А может быть, и виновного, — настаивал подпоручник.

— В Познани несколько человек сошло, несколько село. У меня было много работы. Главным образом, во втором классе. Из этого вагона первого класса трое сошло, а двое в него село. Их билеты я проверила сразу, как только поезд отошёл от Познани. Затем я пошла во второй класс. А когда возвращалась в этот вагон, чтобы немного отдохнуть, потому что до Щецина мне было нечего делать, я увидела, что двери одного из купе открылись и оттуда вышла Крыся. Но я точно

не знаю, из какого именно купе, — подчеркнула проводница, — то ли из того с этими усыпленными, то ли из соседнего.

— Может, она собирала бутылки?

— Нет. У неё не было с собой корзины, которую она всегда для этого носит. Кроме того, на ней не было белого фартука, который она надевает в рабочее время. Она была в курточке, которая и сейчас на ней надета.

— Вы с ней разговаривали?

— Нет. Увидев меня, она как будто смутилась и быстро ушла в сторону буфета. Я шла с другой стороны, поэтому мы не встретились.

— Вы случайно не помните, который тогда был час?

— Я не смотрела на часы. Но это было между Познанью и Кшижем. Уже начинало светать. Я ходила по вагонам и отключала электрическое освещение.

— В купе?

— Нет. На распределительном щитке. В каждом вагоне имеется такой шкафчик, обычно у туалета, в коридоре. Его открывают не таким ключом, как двери купе.

— У вас ещё много работы?

— Нет. Уже ведь никто на этот поезд не сядет. Мы остановимся только в Старгарде. А дальше уже прямая дорога на Щецин. Мне нужно ещё только составить отчёт о рейсе и доложить о замеченных неисправностях.

— Неисправностях чего?

— Как обычно — какая-нибудь хулиганская выходка или недоразумение. В одном из туалетов сорвали кран — и вода текла на пол. Ещё кто-то в другом вагоне выкрутил две лампочки. Зачем? Ведь напряжение в поездах не такое, как в городской электросети. Но это всё я могу сделать и на месте, в Щецине. Возвращаемся в Варшаву мы только вечером. Времени хватит и на бумажную работу, и на отдых, и даже на вылазку в город.

— Это хорошо. Мне нужно ещё поговорить с работниками «Варса». Я бы хотел, чтобы вы либо присутствовали при этом разговоре, либо находились где-то поблизости. Возможно, некоторые факты придётся устанавливать и объяснять с вашим участием. И кроме того — а этого избежать не получится — вам надо будет явиться к нам, в железнодорожный комиссариат, для составления официального протокола.

— Ну раз надо, то надо. Ничего не поделаешь.

— Вы назвали фамилии кельнера и разносчицы. Я их записал: Крыстына Фаенцкая и Вацлав Далечный. А сколько всего человек работает в буфете «Варса»?

— Трое. Вместе с начальником, который работает на месте: продаёт еду и напитки. Остальные двое помогают ему, когда не торгуют вразнос по вагонам. Все вместе они также поддерживают порядок в купе буфета, моют пол и посуду. Ночью наплыв посетителей только в первые часы. Потом купе можно закрыть и даже немного поспать.

— А как зовут начальника «Варса»?

— Анджей Пакульский. Он очень давно работает. Объездил, наверное, на поездах всю Польшу. Когда ещё ходили вагоны-рестораны, был начальником одного из них. Теперь ему осталось меньше десяти лет до пенсии, поэтому перевёлся на ночные рейсы: работа здесь поспокойнее и не такая тяжёлая.

— Пойдёмте, — решил офицер милиции, — поговорим с этими людьми.

— Вы думаете, что кто-то из них обокрал пассажиров?

— Не знаю. Но факт остаётся фактом: Крыстына Фаенцкая продавала «Марачо», и этими сигаретами оказались одурманены пассажиры в соседнем купе. А потом их дочиста обокрали. Необходимо выяснить, откуда взялась эта пачка с наркотиком.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЛЖЁТ

Часть вагона второго класса, которую занимал «Варс», была закрыта. На дверях висела табличка «Буфет не работает». Подпоручнику пришлось долго стучать, пока не появился наконец начальник Пакульский. При виде офицера милиции и проводницы он открыл двери и впустил их вовнутрь.

— Почему буфет не работает?

— Да потому, что мы ещё вечером распродали всё, что у нас было выпить и закусить. Остался только чай. Но за ним вряд ли кто-нибудь явится. Пиво бы ещё пошло, потому что у многих сушняк после вчерашнего. А что с теми больными? — спросил начальник.

— Уже практически здоровы.

— Что с ними случилось? Что-нибудь съели?

— Нет. Выкурили отравленные сигареты, потом уснули и тогда их обокрали.

— Что вы говорите?! Страшное дело! И много забрали? — Анджей Пакульский был действительно взволнован услышанным.

— В общей сложности почти двести тысяч злотых.

— Ничего себе!.. Кофе выпьете? А пани Эля?

— С большим удовольствием, — принял предложение офицер.

— Сейчас налью. Я как раз заварил для нас, — начальник наполнил чёрной жидкостью две чашки и поставил их на столик. — Ну и ну! Столько лет езжу, и ни о чём подобном на наших железных дорогах не слышал. Хотя читал недавно, что есть такие банды усыпителей, которые обрабатывают путешественников в Италии. Но чтобы у нас в Польше?

— Собственно я по этому поводу и пришёл. Мне нужно с вами со всеми поговорить. Прояснить несколько моментов.

— А мы здесь при чём? — заявил кельнер Далечный, который до сих пор молча прислушивался к разговору начальника с офицером милиции. — Ищите преступника. А у нас и своих дел полно.

— Я как раз и ищу преступника, — слегка усмехнулся подпоручник. — Факты говорят, что тех пассажиров усыпили сигаретами, купленными у вас.

— Это неправда, — воскликнула Крыстына Фаенцкая, сидевшая за соседним столиком.

— Тем не менее это факт, и прежде всего с вами я хотел бы об этом побеседовать. А потом — и с остальными присутствующими.

— Всегда пожалуйста, — начальник буфета сразу понял, что такого допроса не избежать, — нам скрывать нечего. А за своих людей я ручаюсь.

— Очень благородно с вашей стороны. А пани пусть пересядет сюда напротив меня. Так будет легче беседовать. Вас зовут Крыстына Фаенцкая, правильно?

— Правильно.

— А другие личные данные?

— Вы имеете в виду год рождения?

— Возраст, образование, место работы, гражданское состояние.

— Двадцать девять лет. Закончила среднюю школу и швейное училище. Замужем. Муж работает в строительной организации. Двое детей: сын и дочь. В прошлом году получили квартиру в Варшаве, на Стэгнах.

— Вы давно работаете в «Варсе»?

— Больше четырёх лет. Начинала в ресторане на Восточном вокзале, потом всё время в вагонах и поездных буфетах.

— У вас такая выгодная профессия, — удивился подпоручник, — хорошие портнихи везде требуются. В бутиках, насколько я слышал, зарабатывают до десяти тысяч злотых. А те, которые шьют надомно, тоже не жалуются.

— Для такой работы у меня слабое зрение. В «Варсе» работа интереснее, чем сидеть целый день сгорбившись за машинкой. И заработки здесь не хуже. Кроме того, после каждого рейса у меня один или два дня выходных. Тогда я и могу для себя или для знакомых тоже что-то пошить. Так и за домом легче следить и присматривать за детьми. Когда выезжаю, детьми занимаются моя мама с мужем. Но она уже старенькая и больная, не может мне помогать каждый день. Поэтому мне так лучше.

— Вы торгуете вразнос пивом и сигаретами?

— Также печеньем и булочками. Ну и кроме того вместе с мужчинами делаю всё, что нужно, чтобы буфет мог работать как полагается и чтобы пассажиры были довольны.

— Я хотел бы с вами поговорить только о сигаретах и той краже в вагоне первого класса.

— Я ничего не знаю.

— Пассажиров усыпили отравленными сигаретами «Марачо». Вы продали такие одному из пассажиров.

— У меня было четыре блока «Марачо». Распродала почти все. Осталось только три пачки. Они у меня в сумочке, — с этими словами Фаенцкая положила на столик офицера вынутые из сумочки сигареты. — Если бы я продавала отравленные, усыпленные пассажиры были бы в каждом вагоне. Я в сигареты яд не закладывала и у тех пассажиров ничего не крада.

— В этом пока что я вас не обвиняю, — сказал подпоручник. — Но откуда в ваших блоках могла взяться пачка с наркотиком?

— Не знаю. Может, её кто-то подбросил? Эти сигареты только недавно поступили на рынок. За пределами Варшавы их трудно достать. Да и в Варшаве они есть не в каждом киоске. Поэтому многие покупатели рассматривают эти «Марачо», берут пачки в руки, но не покупают, а отдают мне назад.

— За сколько вы продавали пачку?

— Как обычно, за двадцать злотых.

— А вот пассажиры заявляют, что вы взяли тридцать злотых.

Фаенцкая смутилась.

— Наверное, по ошибке взяла на десять злотых больше. Готова хоть сейчас их вернуть.

— В том вагоне кто-нибудь покупал или рассматривал «Марачо»?

— Одна пассажирка купила.

— Из какого купе?

— Того, что сразу возле дверей. А рассматривал один мужчина с чёрной бородой. Он подошёл ко мне, когда я продавала пиво, взял пачку в руки, но сразу же отдал обратно. Потом эти же сигареты я продала как раз в том купе.

— У вас очень хорошая память.

— Этот мужчина мог заменить нормальные сигареты отравленными, — предположила разносчица, — когда рассматривал «Марачо»; он стоял у меня за спиной.

— Мы найдём этого мужчину и проверим, — пообещал подпоручник.

— Он выглядел законченным бандюганом.

— Вы продали в том купе две бутылки пива и те сигареты?

— Да.

— А что стало с пустыми бутылками?

— А что могло с ними стать? Я шла в одну сторону, продавала пиво. Когда шла обратно, собирала пустые бутылки. Ну и в том купе их тоже забрала.

— Вы помните, как это было?

— Да как обычно. Открыла двери, увидела пустые бутылки на столике, спросила, можно ли их забрать. Один из мужчин подал их мне.

— Который мужчина?

— Тот молодой блондин.

— А остальные тогда чем занимались?

— Разговаривали. Курили сигареты, так что в купе было довольно дымно.

— У вас есть ключ от купе?

— Есть.

— Вы получили его от «Варса»? Или от железной дороги?

— Купила у какого-то железнодорожника. Не знаю его фамилии. Нам ключей не дают, хотя нам они очень нужны. Пассажиры закрываются в купе и спят, а мы не можем собрать посуду, за которую отвечаем своими деньгами. Приходится стучать в двери купе и всех будить. А имея ключ, тихонько открываешь купе и забираешь стаканы и бутылки.

— Но вы же стаканов не собираете.

— Я не всегда разношу пиво. Иногда ещё чай и кофе. Вот тогда я и собираю стаканы.

— А сегодня?

— Я собирала только бутылки.

— И из того купе тоже?

— Со всех вагонов.

— Когда?

— Сначала я пошла в конец поезда с полными бутылками, а возвращаясь, собирала пустые. Когда я их собрала, поезд уже отошёл от Кутно.

— После этого вы ещё ходили по вагонам?

— Нет. После двенадцати уже нет торговли. Никто ничего не берёт. Все стремятся хоть немного поспать в дороге. В купе буфета тоже нет посетителей. Поэтому я прилегла в нашей подсобке и немного поспала. Только несколько минут назад проснулась, потому что уже пора наводить порядок.

— Что вы ещё можете сказать о работе этой ночью?

— Ничего. Такая же работа, как и всегда. Получаю товар от начальника и продаю его пассажирам. Принимаю от них деньги. Если ошибусь, обязана возместить из своих. Всё как обычно.

— Я думаю, что вам было бы лучше говорить правду. Вы же отдаёте себе отчёт, что являетесь одной из подозреваемых в этой краже. А попытки обманывать только усугубляют ваше положение.

— Я сказала правду.

— А что на это скажет пани Гжанковская?

Прежде, чем проводница открыла рот, чтобы ответить, вмешался начальник буфета Анджей Пакульский.

— Конечно, Крыстына соврала.

— Как вы смеете!.. — оскорбилась разносчица.

— Я из-за тебя, — продолжал начальник, — свою голову подставлять не буду. Сколько раз я предупреждал, что вся эта ваша левая торговля добром не кончится. И так хорошо зарабатываете, куда ещё выгадывать? Зарплата капает, а

пассажиры не требуют сдачи до гроша. На каждом рейсе ты не меньше тысячи поднимаешь. А тебе всё мало.

— О чём вы говорите?

— Да об этих сигаретах «Марачо». Откуда они у тебя? Может, скажешь ещё, что это я тебе их выдал со склада?

Разносчица молчала.

— Как вы снабжаетесь товаром? — спросил подпоручник.

— Централизованно, — пояснил Пакульский. — В «Варсе» имеется отдел снабжения. Туда начальники всех буфетов отправляют заявки, и товар подвозят прямо к вагонам. Некоторые товары мы берём сразу на весь рейс в обе стороны. Запас других, как, например, напитков, мы восполняем на конечной станции, потому что у нас нет таких возможностей для хранения, чтобы в Варшаве взять на весь рейс туда и обратно.

— А эти «Марачо»?

— За всё время я не получил их ни единого блока. Хотя постоянно отправляю заказы на эти сигареты и на «Мальборо», но их не получаю. К этому я не имею никакого отношения. В любой момент могу показать ведомость принятых товаров.

— Тогда откуда взялись «Марачо» в лотке пани Фаенцкой?

— Вы сами её об этом спросите. Или я тоже могу вам сказать. Мы боремся с нелегальной торговлей, но за всем не успеваешь следить. Вы никогда не слышали о «левой водке», которую продают в ресторанах нечистые на руку официанты и бармены? То же самое и с этими «Марачо». Крыстына продавала их по тридцать злотых. Без моего ведома, в собственный карман. Теперь понимаю, почему с некоторого времени у нас так упали продажи сигарет. Потому что возникла частная конкуренция! Продав десять блоков «Марачо» — чистыми наварил тысячу злотых. Зато на складах «Варса» осталось лежать десять блоков других сигарет. Понятно? — начальник аж покраснел от злости.

— Откуда вы взяли эти «Марачо»?

— Я их получала от Вацека.

— Какого Вацека? — подпоручник не понял, о ком идёт речь.

— От пана Далечного. Он их брал у знакомого киоскёра.

— О ё... — не выдержал кельнер. — Ну кто эту дуру за язык тянул...

— У вас ещё будет время высказаться, — пообещал подпоручник, — а сейчас прошу нас не мешать.

— Ну так что там с этими сигаретами?

— Сегодня я получила сначала четыре блока. Когда я пошла в ту сторону, продавала по тридцати злотых пачка. Их покупают охотно, потому что это новые сигареты. Вроде бы даже на вкус приятнее остальных. Я продала все и, направляясь в другую сторону, взяла уже пять блоков. Остались у меня только те три пачки. Моя доля — четыре злотых с пачки. Вацек берёт шесть, но он должен делиться с киоскёром.

— Вот, наконец-то.

— Я в эти сигареты яд не закладывала и у тех пассажиров ничего не крала! Жизнью детей своих клянусь, — девушка была готова расплакаться. — Я сама вскрывала все блоки. Все пачки были запечатаны одинаково. Я не заметила, чтобы какая-то из них отличалась от остальных. Я вынимала их по очереди из блоков, когда покупатели об этом просили.

— А что было потом?

— Я же уже говорила. Перешла в конец поезда и, возвращаясь, собирала пустые бутылки. Потом восполнила запас товара и пошла в сторону локомотива. А как вернулась, легла спать.

— Почему вы опять лжёте?

— Я не лгу, — возразила разносчица.

— Кого вы видели? — обратился подпоручник к проводнице.

— Видела пани Фаенцкую в вагоне первого класса. Она выходила из какого-то купе. Но не уверена, из того ли, пассажиров которого обокрали. — У Эльжбеты Гжансковской был очень несчастный вид. Она дорого бы дала за то, чтобы освободиться от обязанности это говорить. — Это было уже за Познанью, уже почти рассвело.

— Как пани Фаенцкая была одета?

— Она была не в рабочем фартуке, а в курточке.

— Всё правильно, — подтвердил начальник. — Крыстына опять врёт. Она вообще не ложилась спать. Как закончила обход вагонов, сейчас же снова куда-то ушла. Когда вернулась, то сидела и смотрела какой-то цветной журнал мод. Что-то даже перерисовывала. Потом, собственно, уже за Познанью, она снова вышла из нашего купе. Я это хорошо видел, потому что я не спал, а подбивал баланс и писал заказы.

— Все пассажиры показали, — добавил подпоручник, — что, пока они не погрузились в наркотический сон, за бутылками никто не приходил. А некоторые из них видели вас в купе. Вы заходили туда не меньше двух раз.

— Ещё раз повторяю, что я ничего у них не крада.

— У нас есть доказательство, что по крайней мере одного пассажира вы обокрали на десять злотых. Именно столько он переплатил за пачку «Марачо».

— Десять злотых — не такие уж большие деньги.

— Может, и не большие, если речь идёт об обычных сигаретах; другое дело, если эти деньги получены за сигареты, в которые подмешано снотворное, после чего из кошелька «испарились» восемь тысяч злотых.

— Я этих денег не крада.

— Вы больше ничего не хотите сказать?

— Нет.

— Жаль, — констатировал подпоручник, — но ничего не поделаешь, я не могу заставить вас говорить правду. Теперь пусть займёт ваше место пан Вацлав Далечный. Надеюсь, он понимает ситуацию и будет говорить только правду.

ПЕРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАМЯ

— Ну конечно. Теперь мне уже ничего не повредит. Хуже всего работать с теми, кто не только юлит, но и не может держать язык за зубами. Ну да ладно. Вы закурите, пан поручник? — с этими словами кельнер достал из кармана пачку «Марачо».

— Нет, спасибо.

— Очень прошу, не откажите. Эти-то уж точно не отравлены.

— В этом не сомневаюсь, но по утрам я стараюсь воздерживаться от курения. Тем более, что у меня впереди ещё тяжёлый рабочий день.

— У нас тоже, — добавил начальник буфета.

— Ну да ладно, — меланхолично повторил Далечный, пряча сигареты в карман. — Засыпался, так хотя бы утешусь этими «Марачо» перед тем, как искать новое место работы.

— О чём вы говорите?

— Ясное дело, об этих блоках «Марачо», которые я давал Крыське. Ведь начальник подаст рапорт и я снова свободен.

— Конечно, подам. И не подумаю свою... голову подставлять.

— Ну тогда и я карты на стол. Сигареты я получил от гардеробщика из гостиницы «София». По старой дружбе он подогнал мне эти блоки.

— Сколько вы за них заплатили?

— По обычной цене. Но Крыстыне говорил, что даю ему по два злотых сверх. Гардеробщики в гостиницах и ресторанах никогда не берут дороже официальной цены. Слишком большой риск. Можно потерять гардероб, а другие только того и ждут. Гардеробщик и так получает от постояльцев чаевые и за то, что подал пальто, и за эти вот сигареты. Но это уже добровольные платежи. Даже если кто даст и единственный злотый, он не имеет права даже скривиться. Гардероб — это золотое дно. Если бы мне где попался, сразу бы бросил «Варс». Ну, теперь меня и так выставят.

— Прокурор тоже может вмешаться.

Эта угроза не произвела на кельнера никакого впечатления.

— Я имел шесть злотых на пачке. Крыся четыре. Ни вы, пан поручник, ни прокурор не докажете, что мы продавали «Марачо» более одного раза.

— Вернёмся, однако, к отравленным сигаретам, — направил разговор подпоручник.

— Тут не к чему возвращаться, — Вацлав Далечный старался преуменьшить своё участие. — Я купил сигареты. Фаенцкая их продавала. Откуда я могу знать, кто проделал этот фокус с наркотиками? Уж точно не я.

— Значит, Фаенцкая?

— Для этого она слишком глупая, — Далечного не смущало присутствие разносчицы.

— Глупая могла подбросить сигареты с наркотиком, а умный ею руководил.

— И этот умный — это я, да? — рассмеялся кельнер. — Ничего у вас не выйдет.

— Но вы же входили в купе, когда там все уже спали?

— Не входил, а только открыл двери и увидев, что они спят, а стаканов там нет, по-тихому закрыл двери.

— Железнодорожным ключом?

— Пан поручник, у всех в «Варсе» есть эти ключи. Да и двери те можно открыть двумя железками или даже деревяшками.

— Когда вы заглядывали в купе?

— Это было сразу после Кутно. У меня не хватало стаканов и я проверял, у кого из пассажиров они остались. Ведь я отвечаю за стекло.

— А потом?

— Вернулся в буфет, немного помог Анджею Пакульскому, рассчитался и пошёл покемарить в подсобку.

— Там была Крыстына Фаенцкая?

— Пришла через полчаса после меня.

— Она тоже спала?

— Нет. Смотрела какой-то журнал мод. Что-то вроде из него перерисовывала.

— А потом она выходила?

— Может и выходила, не знаю. Я спал.

— Вы носите белые фартуки. Вы спали в фартуке?

— Нет. Я его снял, чтобы не мялся и не пачкался. Нам их не слишком часто меняют.

— А Фаенцкая?

— Тоже сняла. У нас же работа закончилась, потому что ночью мы не разносим напитков. Только утром. Получается перерыв четыре-пять часов. Это где-то от Конины до Старгарда. Только Пакульский должен всё время находиться в буфете, но и там ночью обычно нет никакого движения. Разве что какие-нибудь пьянчужки cedят пиво всю дорогу и учатся петь хором «Гураль, тебе разве не жаль...»¹³. Но сегодня было спокойно. Как редко когда. А сейчас мы ничего не разносим, потому что всё уже распродали.

— Вы давно работаете в «Варсе»?

— Да уж четыре месяца будет.

— А до того?

— В шестьдесят седьмом я работал в вагонах-ресторанах. Теперь они уже не ездят, потому что все развалились от старости, а новых не поступает. А в семьдесят пятом — на Центральном в ресторане.

— А где вы ещё работали?

— В «Камеральном» полтора года. А ещё раньше — в «Полонии», но это уже давно. Потом в «Форуме», как только тот отель шведы построили. Также работал в «Каменоломнях» и в «Саском». До того, как сюда вернуться, больше года исполнял в «Старопольском». А до того — в «Гастрономии» и в «Софии», потом — в «Будапеште». Да разве упомнишь все забегаловки, в которых доводилось бросать якорь? Все-таки больше двадцати лет прошло.

— У вас есть судимости?

— Пан поручник, я добропорядочный варшавянин с деда-прадеда. Никогда под судом не был. Ну, административка не в счёт.

— За что?

— Да за разную мелочь. Случается, на работе иногда из себя выйдешь. Но никогда ничего серьёзного. Никаких телесных повреждений в смысле уголовного кодекса.

— Кто-нибудь видел, как вы открывали двери в то купе?

— В коридоре была проводница. Болтала с каким-то чёрным и бородатым.

— Бутылки тогда стояли на столе?

— В том купе стояли на столе. Очевидно, Крыстына их ещё не успела забрать. А в других — не помню.

— Ну что ж, на данный момент мы, пожалуй, закончим наш разговор. А вы, как и все остальные присутствующие, должны будете явиться в железнодорожный комиссариат НМ на вокзале в Щецине для официальной дачи показаний.

— К которому часу? — спросил начальник.

— Одиннадцать вам подходит?

— Подходит.

— А пани Фаенцкую я также прошу, чтобы она подумала и решилась, наконец, сказать правду. Не нужно затруднять расследование и по-глупому себе же делать хуже.

— Я уже могу идти? — поинтересовался Вацлав Далечный. — Мне ещё нужно сдать кассу.

— Не возражаю.

— Я буду в нашем служебном купе, на случай, если понадобится.

— Это не человек, — отметила Эльжбета Гжанковская. — Это переходящее знамя.

КРЫСТЫНА НАКОНЕЦ-ТО ГОВОРИТ ПРАВДУ

— Пан поручник, — Крыстына Фаенцкая подошла к офицеру милиции.

— Слушаю вас.

— Я не крала. Я всё расскажу.

— Я вовсе не говорил, что вы крали. Я только говорил, что вы лжёте и таким образом сами себя впутываете в это дело. Кого вы покрываете?

— Никого. Я не брала ни этих денег, ни бижутерии. Но когда вы сказали начальнику об этой краже, я так разволновалась, что совершенно потеряла голову. Я испугалась из-за того, что продаю сигареты мимо кассы, и из-за того, что меня посадят за кражу, потому что я входила в то купе, когда все спали. Но я не знала, что они без сознания. Я думала, что они просто спят. Я всегда открываю двери купе очень тихо, чтобы не будить пассажиров. Так же и тогда я не разобралась, что в том купе первого класса всё по-другому.

— Ну так как же на самом деле было?

— Я немного задержалась с обходом вагонов, потому что два раза возвращалась за новым товаром. Когда в том купе я продавала пиво и эту несчастную пачку «Марачо», я заметила, что блондинка возле окна читает последний номер «Бурды». Этот журнал трудно купить в Варшаве. Да и стоит недёшево. А я же вам говорила, что я портниха и немного подрабатываю шитьём. Мне страшно захотелось просмотреть этот номер. Но я не осмелилась попросить, потому что та пани как раз его читала.

— Понимаю.

— Так вот, когда я открыла купе, чтобы забрать пустые бутылки, то увидела, что все пассажиры крепко спят. В том числе и та пани. Я наклонилась, подняла бутылки — они стояли на полу около столика — и поддалась соблазну. Взяла «Бурду», как можно тише закрыла двери и быстро вернулась в буфет. Где, как видели начальник и Вацек, я просматривала журнал и перерисовала несколько выкроек. Вот и вся моя вина.

— А потом?

— Когда я закончила с этими выкройками, поезд уже проехал Познань. Светало. Я испугалась, что хозяйка журнала проснётся и устроит скандал из-за того, что у неё украли «Бурду». Дамочки всякие попадаютсся. Поэтому я снова пошла в первый класс, открыла двери купе и положила журнал на столик. Та пани, похоже, ничего не заметила.

— Однако заметила, что у неё нет браслета и часиков.

— Я их не брала.

— Когда вы брали «Бурду», на столике ещё что-нибудь лежало?

— Я не видела. Смотрела только на иллюстрированный журнал. Хотела как можно быстрее иметь его в нашем служебном купе. Схватила его и сбежала. Это единственное, что я ukrала. Но я ведь взяла «Бурду» не для того, чтобы присвоить, а чтобы только посмотреть.

— Вы были в курточке?

— Нет. В белом фартуке. В курточке я была, когда относила журнал. Я уже знала от начальника, что утром не будет торговли по вагонам, потому что нечего продавать, поэтому я сняла рабочую форму, но надела курточку, потому что было довольно холодно.

— Когда вы открыли купе, чтобы вернуть журнал, что вы увидели внутри?

— Пассажиры спали.

— В естественных позах?

— Эта блондинка — положив голову на столик. Я даже перепугалась, что не смогу на него положить «Бурду». Вторая, которая старше, прислонилась к окну, выходящему в коридор. Высокий блондин вообще практически лежал на своём соседе из-под окна. У пассажира напротив лицо было закрыто плащом.

— Вам не показалось, что они без сознания?

— Такое мне даже в голову не пришло. Правда, я к ним особенно не приглядывалась. Была рада, что они все спят. Я хотела как можно быстрее положить журнал на место и уйти из купе. Ведь я понимала, что этой «Бурдой» себя ставлю в двусмысленное положение. Нужно было попросить, а не брать самовольно. Я вздохнула свободно, когда мне удалось так тихо закрыть двери, что никто не проснулся. Известно, на воре шапка горит.

— А дальше?

— Это всё. Клянусь, я сказала правду. Провалиться мне на этом месте, если хоть в одном слове я солгала.

— А зачем же вы лгали вначале? Не лучше ли было сразу сказать правду?

— Дура была. Боялась. Думала, что никто не видел, как я два раза входила в то купе. А ещё мне было стыдно из-за того, что я взяла эту «Бурду».

— Ну хорошо. Зато на следующий раз вы будете знать, что лучше всего — говорить правду.

— Мы подъезжаем к Щецину, — заметила проводница Эльжбета Гжанковская. — Через десять минут будем на Главном вокзале.

— Я тоже уже закончил. В одиннадцать часов жду всех в комиссариате.

Офицер милиции покинул буфет. Проводница пошла за ним.

— Пан поручник, — спросила она, — вы думаете, что тех пассажиров действительно обокрала Крыстына? Я за неё ручаюсь. Она порядочная девушка. А эти сигареты «Марачо» — так это, наверное, Вацек её на это уговорил. Ведь с «Бурдой» — это просто глупая выходка.

— Вины Крыстыны Фаенцкой не исключаю, хотя считаю её мало вероятной.

— Ну тогда кто это сделал? Разве не тот музыкант с бородой?

— Скорее всего, нет, — сказал офицер милиции, однако не ответил на вопрос проводницы. — Я сейчас тороплюсь в вагон первого класса, чтобы помочь пассажирам найти дорогу в железнодорожный комиссариат. Там и продолжим расследование.

— Я тоже пойду с вами, — заявила Эльжбета. — Помогу той пожилой женщине. У неё довольно тяжёлый багаж и похоже, что не очень хорошо со здоровьем.

— Да. Наркотик больше всего повредил ей. Хорошо ещё, что она выкурила не всю сигарету. Иначе, боюсь, мы с ней имели бы серьёзные хлопоты.

Старший сержант Мечислав Легерский, который в то утро как раз дежурил в железнодорожном комиссариате НМ на Главном вокзале в Щецине, очень удивился, когда увидел подпоручника Мариана Балерского во главе группы шести пассажиров с чемоданами в руках.

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Подпоручник предложил пассажирам разместиться в одном из двух помещений комиссариата. Сам же уселся за стоявший здесь же массивный стол. Старший сержант занял место на стульчике у стены.

— Зачем вы нас сюда притащили? — возмущался Эдвард Стшельчик. — Мы измучены, голодны и без денег. Каждый из нас хотел бы как можно скорее добраться до места назначения и отдохнуть физически и морально от всех этих «развлечений» прошлой ночи.

— Я прекрасно вас понимаю, — заверил офицер милиции, — но некоторые формальности обязательны. Кроме того, я хочу найти преступника, а вам вернуть украденное.

— И вы в это верите? — саркастически усмехнулся председатель кооператива.

— Не только верю, но и знаю, что так будет.

— Вы знаете, кто нас обокрал? — поинтересовался Ян Цеглевич.

— Ещё нет, но знаю, где его искать. А это — прежде всего благодаря вашим подробным показаниям. Мы вовсе не теряли на этом время, хотя некоторым казалось, что я садист и над вами издеваюсь.

— Так кто же преступник? — спросила пенсионерка.

— Прежде, чем ответить на этот вопрос, необходимо кое-что выяснить.

— Что именно?

— Вы показали, что каждый из вас выкурил по одной сигарете «Марачо». Однако в пепельницах я обнаружил семь окурков. Исключено, чтобы один окурочек остался с предыдущего рейса поезда. В Варшаве вагон тщательно привели в порядок. Даже вымыли пол под сиденьями. С дамами дело ясное. Два окурочка несут на себе следы губной помады. Одна — ярко-алого цвета. Такой пользуется Зофья Колянко. Второй, более тёмной — пани Ядвига Марианская. Это упрощает дело. Обе дамы выкурили только по одной сигарете. Вопрос: кто из мужчин выкурил две сигареты «Марачо»?

Никто из мужчин не ответил.

— Никто не хочет признаться?

И на этот раз ответом было молчание.

— Ну тогда всё очень просто, — продолжил подпоручник. — Точный ответ на мой вопрос может дать Институт криминалистики в Варшаве. Достаточно будет отправить им на анализ эти окурочки и образцы вашей слюны. Может быть, и надо будет провести такое исследование. По своему химическому составу слюна одного человека отличается от слюны другого. Так же точно, как нет двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев. Однако думаю, что такой анализ будет не нужен. Деньги и драгоценности мы найдём, не беспокоя Варшаву.

— Тогда где же мой браслет и часы? — спросила пани Колянко.

— Я почти уверен, что в этой комнате.

— Как это?

— У кого-то из вас в багаже.

— Не понимаю, — пожал плечами председатель Стшельчик.

— Да ведь это само собой разумеется, — заявил подпоручник. — Вор не мог явиться извне. Иначе откуда бы он знал, что в этом купе все курят и что все будут курить сигареты из отравленной пачки? Только тот, кто ехал в этом купе, мог по разговорам сориентироваться, что там собрались одни курильщики и что всем будет интересно узнать, каковы на вкус сигареты новой марки. Если бы даже на

рынке недавно не появились «Марачо», преступник воспользовался бы какими-нибудь другими редкими иностранными сигаретами. Люди любопытны. Это вполне естественно. Вот это обстоятельство и помогло злоумышленнику совершить преступление.

— Я получу свои деньги, — Ядвига Марианская безоговорочно верила каждому слову офицера милиции. — Как я рада!

— Пачка «Марачо», купленная у разносчицы из «Варса», — объяснял подпоручник, — проделала долгий путь. Сначала её держала в руках разносчица Крыстына Фаенцкая. Затем её взял председатель Стшельчик, чтобы потом возвратить обратно в лоток. Затем за спиной у разносчицы появился музыкант с бородой. Он тоже заинтересовался «Марачо», к большому, вероятно, удовольствию злоумышленника. Потом эту пачку купил Ян Цеглевич. Прежде, чем заплатить за неё деньги, он наверняка спрятал эту пачку в карман пиджака.

— Да, так и было, — обрадовался Зыгмунт Ходыш. — Теперь я это отчётливо вспомнил.

— Пани Зофья Колянко так заинтересовалась новой для неё зелёной коробочкой, что машинально спрятала её в свою сумочку. Пан Ходыш, который ни с кем не хотел делиться теми «Марачо», которые были у него в кармане, также разыграл небольшую комедию и взял ту коробочку в руки.

Зыгмунт Ходыш скривился, будто хлебнул касторки.

— Получается, — продолжал офицер милиции, — что эта пачка «Марачо» прошла через руки шестерых человек. Теоретически, каждый из них мог заменить оригинальные сигареты на отравленные. Но только теоретически. Как я уже говорил, следует исключить разносчицу и бородатого музыканта, хоть они, казалось бы, больше всех остальных должны находиться под подозрением. Тогда остаются четверо: пани Колянко и мужчины Стшельчик, Цеглевич и Ходыш. Но подозрение следует снять и с пани Колянко, ведь она выкурила только одну сигарету. Об этом явно свидетельствует один окурок со следами её губной помады. Вот и получается, что под подозрением остаются трое мужчин. Один из них и есть преступник.

— Бред, — проворчал председатель Стшельчик.

— Ну это как посмотреть, — усмехнулся Мариан Балерский. — Из этих троих, перечисленных мной, преступником является тот, который выкурил не одну, а две сигареты «Марачо». Естественно, он долго готовился к совершению преступления. В частности, много раз ездил по этому маршруту между Варшавой и Щецином.

СЕМЬ СИГАРЕТ «МАРАЧО»

— Почему? — спросила Марианская.

— Да потому, что ему надо было оказаться среди курильщиков, у которых можно взять хорошие деньги. Чтобы в купе все пассажиры курили, и чтобы была уверенность, что их кошельки стоят его внимания. Ведь если бы среди вас нашёлся хоть один, кто заявил бы, что не курит, это не позволило бы преступнику осуществить свой план. И сигареты с наркотиком остались бы у него в кармане. Должен также признать, что на решение вора осуществить свой план именно с вами повлияла беспечность пани Зофьи Колянко, выставлявшей напоказ ценные украшения.

— А что мне делать, если я люблю носить золото? — надула губки пани Зофья.

— Так вот, преступник решил осуществить свой план. Ловко заменил доброкачественные сигареты отравленными. Все закурили. Он, естественно, тоже. Но все курили «Марачо» с наркотиком, а он — нормальную, не отравленную, сигарету.

— Но заснули-то все, — заметила Ядвига Марианская.

— Нет, не все. Только пятеро из вас. Тот, кто курил нормальную «Марачо», лишь притворялся. А когда убедился, что остальные заснули, приступил к делу. Осторожно снял у пани Колянко браслет, золотые часики, а затем забрал деньги, которые были у неё в сумочке. Так же точно обработал и остальных пассажиров. Уже под конец прибавил к своей добыче и ту наличность, которую имел при себе. Добытое спрятал или в своём багаже, или где-то в вагоне. И когда всё это проделал, опять закурил «Марачо». Только на этот раз — с наркотиком. Две пачки «Марачо» — с нормальными и отравленными сигаретами — или выбросил в окно, или приложил к украденному. Но идеальных преступлений не бывает. Преступник всегда делает ошибку или оставляет следы. Так было и в этом случае.

— Какие следы?

— Он забыл об окурках. О том, что их семь. Вас шестеро, и никто из вас не видел, чтобы кто-то из вас выкурил две сигареты. Это как раз и наводит на мысль, что преступник ехал в вашем купе и только делал вид, что его обокрали. Но не он изобрёл этот способ. Несколько лет назад произошёл очень похожий случай. В одном почтовом вагоне нашли троих людей без сознания и четыре бутылки с остатками пива. Как показал анализ, пиво в трёх бутылках было отравлено, в четвёртой же яда не было. Преступник тогда тоже усыпил своих товарищей, украл пересылаемые по почте деньги, спрятал их, после чего выпил отравленное пиво.¹⁴

— Откуда вы знаете, что одна из тех семи сигарет, окурки от которых вы держите в конверте, не была отравлена? — не могла успокоиться Ядвига Марианская. — Вы же не проводили никаких анализов этих «Марачо».

— Это становится ясно, если рассуждать логически. Если бы были отравлены все сигареты, их бы выкурили только шесть. Все пассажиры в этом купе сразу бы заснули, и никто из них не смог бы уже обокрасть остальных. Если бы сигарету без яда выкурил не преступник, а кто-то другой, он бы не заснул, но сразу бы заметил ненормальное поведение своих соседей по купе. Он не стал бы курить ещё одну сигарету, а поднял бы тревогу. Зато преступник точно знал, что остальные пассажиры в купе должны заснуть, а он останется в сознании. Обокрав вас, он, чтобы отвести от себя подозрения, закуривает сигарету с наркотиком. Это понятно. Анализ окурков может лишь подтвердить мои рассуждения.

— Вы сказали, что преступник спрятал наши деньги в своём багаже или вынес их из купе и спрятал где-то в вагоне.

— Это весьма вероятно. Вы спали, а вор со своей добычей мог незаметно выйти из купе и присмотреть для неё тайник в вагоне. Но так или иначе мы эти деньги найдём.

— Каким образом?

— Проверим ваш багаж, а если это не даст результатов, осмотрим вагон, в котором вы ехали.

— Да ведь вор мог спрятать украденное в другом вагоне.

— Не мог. В других вагонах — вагонах второго класса — в коридорах стояли люди. В их присутствии он и гвоздя незаметно спрятать не смог бы. Но я почти абсолютно уверен, что ваши деньги находятся в этой комнате.

— Мои вещи также будут проверены? — спросила Марианская.

— Хотя всё указывает, что обе женщины выкурили только по одной сигарете, для полной уверенности просмотрим и ваш багаж.

— Тогда пожалуйста. Можете начинать обыск прямо с него.

— А у вас есть санкция прокурора? — поинтересовался председатель Стшельчик. — Без этой санкции производить обыск нельзя.

— Мы находимся в процессе «преследования преступника». В этом случае можем действовать и без санкции, но каждый из вас получит выданную согласно требованиям законодательства справку от прокурора о проведении обыска. Это должно вас удовлетворить.

— В моём багаже нет чужих вещей и я не вор, — заявил председатель. — Я только хочу, чтобы милиция соблюдала закон. Как гражданин ПНР¹⁵, я имею право этого требовать.

— Рысек, — решила Зофья Колянкова, — открывай наши чемоданы. Пусть это всё поскорее закончится.

Подпоручник усмехнулся.

— У меня другое предложение. Давайте начнём с Яна Цеглевича. Его саквояж самый маленький. Кроме того, он часто ездит в Щецин.

— Но вы же все видели, что у меня в саквояже. Другого багажа у меня нет, — молодого человека сильно удивило предложение офицера милиции.

— Правильно. Но на этот раз, — спокойно пояснил подпоручник, — я хотел бы осмотреть не содержимое, а сам саквояж. Он такой представительный, чёрный. Почти новый и наверняка сделанный на заказ. Не откажите передать его мне.

Снабженец, которому деваться было некуда, положил свой багаж на стол перед офицером милиции.

Мариан Балерский раскрыл чёрный плоский саквояж и осторожно выкладывал: полотенце, мыльницу, бритвенные принадлежности, блокнот с какими-то записями, книжку и обёрнутые салфетками бутерброды с ветчиной. Когда саквояж опустел, подпоручник стал очень подробно осматривать его стенки.

— Здесь что-то не так, — сообщил он, — вот эта стенка, к которой прикреплены никелированные салазки, какая-то слишком толстая. Её необходимо тщательно осмотреть.

Офицер милиции ощупывал каждый сантиметр её внутренней стороны. Но ничего не смог обнаружить. Тогда он закрыл саквояж и стал ещё более тщательно изучать его чёрную внешнюю поверхность.

— Здесь небольшая неплотность, — наконец сообщил он. — Сержант, у вас есть перочинный ножик или тоненькая отвёртка?

— Возьмите, пожалуйста, мой, — Рышард Колянко подал свой складной нож со многими лезвиями.

Мариан Балерский выбрал самое тонкое и осторожно просунул его в едва заметную линию стыка.

Но ничего не случилось. Офицер милиции повторил своё действие. В этот раз уже более энергично, затем поводил ножиком туда-сюда. Раздался тихий треск и часть стенки саквояжа откинулась, являя взору довольно узкий, но длинный тайник.

Взгляды всех оказались прикованы к тайнику, из которого подпоручник не торопясь вынул две пачки «Марачо». В одной из них не хватало как раз шести сигарет. Затем на столе оказались банкноты — шесть неравномерных кучек. Самая большая, без сомнения, принадлежала Рышарду Колянко. И наконец, на столе появились два маленьких белых свёртка. Развернув бумажные салфетки, Мариан Балерский положил на стол массивный золотой браслет и драгоценные часики.

— Вы всё очень ловко продумали, пан Цеглевич. Этот саквояж — наверняка ваша собственная работа, потому что, насколько мне известно, таких игрушек не продают в магазинах. Но несмотря ни на что, вы проиграли.

Ян Цеглевич молча опустил голову.

- 1 Барбара Гофф (Barbara Hoff) (р. 1932) — польская дизайнер одежды и обуви.
- 2 Браслет в виде довольно толстой (для ювелирных изделий) цепочки, звеньям которой придана та или иная декоративная форма.
- 3 Wars — предприятие общественного питания, в ведении которого находятся буфеты, бары и рестораны для обслуживания пассажиров в поездах с вагонами классом от плацкартных и выше.
- 4 Начало поговорки «О вкусах не спорят» на латинском языке.
- 5 Уменьшительная форма от имени Рышард.
- 6 Так в оригинале. Всё-таки «спать» и «быть без сознания» — это разные вещи, а из текста следует, что офицер милиции знал только, что пассажиры именно без сознания, а не просто спят.
- 7 Здесь у офицера милиции звание — самое младшее офицерское, подпоручник. Но проводница и другие персонажи далее в тексте постоянно называют его поручником. Этого нельзя объяснить незнанием пассажирами знаков различия, потому что в дальнейшем офицер милиции им представился. Скорее всего, здесь срабатывает уверенность, что офицерам, звание которых начинается с приставки «под-», нравится, когда их называют по званию без этой приставки.
- 8 Герой польской народной легенды, которая имеет несколько вариантов в разных областях Польши. Обилие растительности у разбойника на лице связано, видимо, с тем, что он долгое время скрывался в пещере.
- 9 «Малух» (maluch — малыш, карапуз) — «Фиат-126».
- 10 Изначально — польское бюро путешествий, располагающее сетью собственных гостиниц; с 2019 года — инвестор в гостиничную недвижимость.
- 11 М-4 — квартира для проживания четырёх человек, исходя из принятых норм жилой площади; обычно трехкомнатная квартира с отдельной кухней.
- 12 «Настирка за день» — возможный вариант русского перевода польского выражения *upiór dzienny*, под которым должно пониматься количество белья, которое прачечная может постирать (или химчистка очистить) в течение одного рабочего дня. Слово *upiór*, которым незадачливые работники одной прачечной когда-то обозначили объём выстиранного, совпадает по написанию и произношению с польским же словом *upiór*, употребляемым для обозначения вампира, упыря, вурдалака; а звучание всего выражения («упюр дзённы») вызывает ассоциации с испусканием кишечных газов. Благодаря такому «юмористическому» подтексту этот неудачный окказионализм распространился по всей Польше как плохой термин, но хороший пример языковой игры.
- 13 *Góralu, czy ci nie żal* — первые слова популярной песенки о гурале (польском горце), покидающем родные края в поисках заработка в городе.
- 14 См. роман Ежи Эдигея «Почтовый вагон» (*Wagon pocztowy Gm 38552*).
- 15 Польская Народная Республика.